

Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова

**КНИГА И ЧТЕНИЕ:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
В. Я. ШИШКОВА**

Барнаул
2009

**Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова**

**КНИГА И ЧТЕНИЕ:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
В. Я. ШИШКОВА**

Информационно-методические материалы

**Барнаул
2009**

УДК 028
ББК 78.381.9:83
К532

Редактор Т Г Черняева

К532 Книга и чтение: жизнь и творчество В. Я. Шишкова информ.-метод. материалы / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул РИО АКУНБ, 2009. – 84 с.

В настоящем издании представлены материалы, посвященные разнообразным связям В. Я. Шишкова с Алтаем. Впервые подробно и с опорой на документальные источники показана изыскательская деятельность писателя на реке Бии и Чуйском тракте, а также рассмотрены его очерковые и художественные произведения, основанные на алтайских впечатлениях.

Сборник также включает сценарий литературного вечера, посвященного В. Я. Шишкову; руководство по собиранию современного фольклора; рекомендательный список тем для исследования творчества писателей Алтая, список произведений В. Я. Шишкова, имеющихся в фондах краевой библиотеки.

Издание адресовано работникам библиотек, учителям литературы, школьникам, заинтересованным в изучении литературного наследия Алтая.

УДК 028
ББК 78.381.9:83

© ГУК «Алтайская краевая
универсальная научная
библиотека им. В. Я. Шишкова», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чертова Т. И.</i> Шишковские чтения. Начало традиции.....	4
Биография и творчество В. Я. Шишкова.....	6
<i>Черняева Т. Г.</i> Вячеслав Шишков и Алтай.....	6
Письма В. Я. Шишкова (1912–1918).....	40
<i>Юровская Л. А.</i> Повесть В. Я. Шишкова «Страшный кам».....	53
<i>Беломытцева Л. А.</i> Рассказ В. Я. Шишкова «Алые сугробы».....	58
Методические материалы.....	65
<i>Кривченко Е. В.</i> Слово о В. Я. Шишкове (сценарий литературного вечера).....	65
Будущим участникам Публичных Шишковских чтений.....	71
<i>Юровская Л. А.</i> Как собирать фольклор: руководство по сбору произведений устного народного творчества.....	72
<i>Беломытцева Л. А.</i> Рекомендательный список тем для исследований по литературе Алтая.....	79
<i>Ковалева А. М.</i> В. Я. Шишков в фондах Алтайской краевой библиотеки им. В. Я. Шишкова: прижизненные и сибирские издания.....	80
Сведения об авторах.....	84

ШИШКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. НАЧАЛО ТРАДИЦИИ

Многие годы Алтайская краевая библиотека с гордостью носит имя замечательного русского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова. Оно было присвоено библиотеке по просьбе общественности края в дни празднования 100-летия со дня рождения писателя – в 1973 г. Поступок этот вполне обоснован. В. Я. Шишков – исследователь Алтая, талантливый писатель, в творчестве которого ярко прозвучала алтайская тема.

Занимаясь литературно-просветительской деятельностью, библиотека особое внимание уделяет распространению знаний о жизни и творчестве В. Я. Шишкова. В честь писателя в библиотеке проводились литературные вечера, создана мемориальная экспозиция, его имя отражено в электронном энциклопедическом издании «Литературная карта Алтайского края» и на сайте библиотеки: <http://akunb.altlib.ru>. Новым делом, подтверждающим причастность библиотеки к имени этого незаурядного человека, стало проведение Публичных Шишковских чтений.

В письме к известному сибирскому ученому и публицисту Г. Н. Потанину В. Я. Шишков писал: «Я люблю Алтай крепко, с каждым годом любовь моя растет, и я не знаю, чем я возьму Алтаю ту радость и счастье, которым он наделяет меня каждый день, каждую минуту...». Искренние и эмоционально наполненные слова писателя: «...Я люблю Алтай крепко...» – стали девизом наших чтений.

Главная цель чтений состоит в том, чтобы молодые жители края знали и читали произведения большого русского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова, автора интереснейших рассказов и повестей, исторических романов «Угрюм-река», «Емельян Пугачев», «Ватага» – в последнем из названных правдиво и ярко отражены события гражданской войны на Алтае. В его ранних произведениях: «Чуйские были», «Страшный кам», «Алые сугробы» – создан образ величественного и сказочно прекрасного Алтая, где живут сильные и страстные натуры.

В 2007 г. в день рождения писателя, 3 октября, в Алтайской краевой библиотеке состоялись первые Публичные Шишковские чтения, в 2008 г. вторые. Они совпали с двумя знаменательными датами: исполнилось 135 лет со дня рождения писателя и 100 лет с того момента, когда в томской газете «Сибирская жизнь» было опубликовано его первое произведение – символическая сказка «Кедр».

Программа чтений включала вечер-портрет «Слово о Шишкове» и секцию литературного краеведения. По мнению организаторов, оба направления работы Шишковских чтений решают важные задачи. Проведение литературного вечера, традиционной и популярной формы общения, направлено на то, чтобы вызвать у потенциальных читателей интерес к творчеству В. Я. Шишкова.

Секция литературного краеведения призвана развить навыки исследовательской работы в среде учащейся молодежи, углубить знания о литературе Алтая у новых поколений читателей.

Участниками чтений стали школьники, студенты средних специальных и высших учебных заведений Барнаула и края. На литературном вечере они читали со сцены фрагменты или исполняли сценки из произведений В. Я. Шишкова. На секции литературного краеведения звучали доклады и сообщения начинающих исследователей. Благодаря активному участию в чтениях многие из них впервые открыли для себя имя В. Я. Шишкова.

В работе секции литературного краеведения выступили более 20 юных исследователей: учащиеся школ из Новоалтайска, Белокурихи, Барнаула, из Алтайского, Тюменцевского, Заринского и Каменского районов. Интересные доклады были сделаны по творчеству И. А. Кузнецкого, В. Я. Шишкова, В. М. Шукшина. Интерес у начинающих литературоведов вызывает поэзия: творчеству Леонида Мерзликина, Елены Безруковой, Ивана Жданова, Александра Еременко были посвящены несколько выступлений. Некоторые авторы занимаются изучением жизни и творчества местных самодельных поэтов.

Закладывая традиции Публичных Шишковских чтений, библиотека стремится к тому, чтобы в будущем освоить все богатое литературное наследие русского Алтая. Надеемся, что участники чтений и их научные руководители: школьные учителя и вузовские преподаватели – обратятся к именам русских писателей XIX–XX вв. к тем из них, кто соприкоснулся с Алтаем и отозвался о нем в письмах, дневниковых или путевых заметках, в поэтических строчках или романах. Нам необходимо по-новому, углубленно и непредвзято исследовать и творчество Вячеслава Яковлевича Шишкова, которое еще совсем недавно рассматривалось односторонне.

Георгий Гребенщиков, Александр Новоселов, Анна Караваева, Сергей Залыгин, Анатолий Соболев и другие писатели XX века создали неповторимые художественные образы нашего края. Поэтому мы надеемся, что обращение молодого поколения к творчеству подлинных художников слова поможет воспитанию осмысленного патриотизма и сохранению культуры.

Публичные Шишковские чтения – это большой совместный труд библиотеки и педагогического сообщества края. За деятельное участие в чтениях библиотека благодарна учителям-новаторам, занимающимся исследовательской работой с детьми, ученым и преподавателям алтайских вузов: филологам Т. Г. Черняевой и Л. А. Юровской, историку Н. Д. Ростову, музыковеду М. Т. Стюхину, методисту краевого управления по образованию Т. А. Кузюре. Все они вошли в организационный комитет чтений, стали членами Научного совета чтений. По его решению создан настоящий сборник, который целиком посвящен В. Я. Шишкову. Надеемся, что его издание поможет расширить круг участников Публичных Шишковских чтений. Желаем всем будущим исследователям интересной работы и успехов!

Т. Г. Черняева

Вячеслав Шишков и Алтай

«... самое главное влияние я приписываю живой природе: Алтайским горам, рекам, тайге и, конечно, человеческому люду. Я выросстал не в оранжерее, садовников надо мною не было, меня не подстригали, не поливали из лейки, не окуривали от тли, я рос в диком виде, сам по себе, под дождем и солнцем».

*Из письма В. Я. Шишкова
П. Н. Медведеву от 22 декабря 1925 г.*

Всем, кто хоть немного знаком с биографией Вячеслава Яковлевича Шишкова (1873–1945), уроженца г. Бежецка Тверской губернии, известно, что двадцать лет жизни он провел в Сибири. Причины, приведшие выпускника Вышневолоцкого училища кондукторов путей сообщения¹ в 1894 г. в Томскую губернию, разнообразны.

Геннадий Иванов, автор книги «Знаменитые и известные бежечане», считает, что «тверских людей издавна тянет путешествовать, начиная с купца Афанасия Никитина», который еще в XV в. по личной инициативе оказался в Индии и написал о своем шестилетнем странствовании «Хождение за три моря». Владимир Черкасов-Георгиевский, автор романа «На стрежне Угрюм-реки», связывает судьбу В. Я. Шишкова с мощным промышленным подъемом в России в последние десятилетия XIX в. «Благодаря энергичному русскому купечеству, страна быстро покрывалась сетью надежных железных дорог»², однако крайне необходимы были и специалисты для строительства шоссейных дорог и водных каналов. В Училище будущий сибиряк прошел серьезную подготовку, как теоретическую (три года), так и практическую – два года работы гидротехником в Вышневолоцком округе путей сообщения, – и «получил редкую

¹ Кондуктор (от лат. conductor, сопровождающий, проводник) путей сообщения – тот, кто прокладывает пути.

² Черкасов-Георгиевский В.Г. На стрежне Угрюм-реки: жизнь и приключения писателя Вячеслава Шишкова: роман. М., 1996. С. 62.

и интересную специальность техника по водным и шоссейным путям»¹. На два года практики В. Я. Шишков намеревался уехать в Сибирь, где в это время, в самом начале 1890-х гг. проводились изыскания транссибирской железнодорожной магистрали. Однако руководство Училища стремилось прежде всего обеспечить хорошими практикантами европейские губернии России.

Были еще причины семейного характера: разорение отца, купца-неудачника, страдавшего известным русским недугом, попытки матери найти любимому старшему сыну невесту. Однако В. Я. Шишков не собирался пока жениться – он надеялся найти в Сибири интересную работу и возможность материально помогать своим домашним.

Выйдя из Училища с «особой наградой за отличное ведение практических занятий, отличное поведение», В. Я. Шишков оказался первым в списке кондукторов и практикантов Вышневолоцкого училища, желавших отправиться в Сибирь, причем он хотел служить именно в Томском округе путей сообщения. «Его давняя "сибирская" мечта осуществилась»².

В Томске, первом университетском городе Сибири, В. Я. Шишков продолжал совершенствоваться в профессии. Обратив на себя внимание начальства своей дотошностью и ответственностью в исполнении обязанностей техника, прекрасными способностями организатора, он получает разрешение для подготовки к сдаче экзамена на право «самостоятельного производства инженерных работ» и после упорных двухлетних занятий блестяще выдерживает испытание³.

С этого момента В. Я. Шишков успешно трудится с весны до первого снега в разных местах Сибири: прокладывает Обь-Енисейский канал, исследует водные пути по притокам Оби, Чарышу и Чулыму, проверяет укрепление берегов Лены и Витима, руководя экспедиционными партиями по двадцать–тридцать человек.

1. Бия и Чуйский тракт

В канцелярию Томского губернатора пришел из Барнаула документ, датированный 26 марта 1909 г. и подписанный городским головой Барнаула:

«Вследствие постановления Барнаульской городской думы от 20 мая 1909 г. за № 49, в копии при сем представляемого, имею честь представить Вашему превосходительству о ходатайстве думы перед Его Высокопревосходительством господином Министром путей сообщения об исследовании реки Бии выше г. Бийска до Телецкого озера».

¹ Черкасов-Георгиевский В.Г. На стрелке Угрюм-реки: жизнь и приключения писателя Вячеслава Шишкова: роман. М., 1996. С. 62.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 112.

По мнению известного алтайского ученого-краеведа В. Ф. Гришаева, отыскавшего в Центре хранения архивного фонда Алтайского края этот документ, именно он (или, точнее, вынесенный на его основании «вердикт» министра) «послужил причиной посылки на Бию партии техников Томского округа путей сообщения во главе с В. Я. Шишковым»¹.

Так летом 1909 г. В. Я. Шишков впервые оказывается на Алтае: становится «водяным землемером» на реке Бии – от Телецкого озера до села Соусканиха². Это необычное название занятий В. Я. Шишкова и возглавляемой им изыскательской партии мы находим в его рассказе «На Бии», опубликованном в 1914 г. в «Алтайском альманахе» (о нем мы расскажем немного позднее). Вот как отвечают персонажи рассказа на вопрос встреченной ими крестьянки-старообрядки: «А вы кто такие будете?»

– Мы исследуем Бию: глубины промеряем, планы с порогов снимаем, пробуем, нельзя ль пароходы по реке пустить...

– А-а-а... Водяные землемеры, значит, будете?...³

Работу по исследованию Бии В. Я. Шишков продолжил в экспедиции летом 1910 г.: теперь это был путь от села Соусканиха до Бийска. Любопытно, что первые свои впечатления от знакомства с природой Алтая он отразил в «очерке-путеводителе» – «Любителям красот природы (река Бия, Телецкое озеро, река Чулышман)», опубликованном в томской газете «Сибирская жизнь» 18 июля 1910 г.⁴ Приведем небольшой фрагмент из этой заметки, в котором В. Я. Шишков, как искусный туристический менеджер, приглашает читателей пройти на плоту всю Бию либо часть реки до поселка Турочак: «Тут перед вами одна за другой развернуты в красивую сказку сочные, искрящие радостью картины ее берегов, музыка порогов, а шивер⁵ будет по-своему пленять ваш слух; бешеный пробег по волнам, когда плот то зарывается в рокочущий вал, то взлетает на поверхность воды, дает пищу вашим нервам, и все это вместе взятое создает сильное неизгладимое впечатление»⁶.

О тщательности проделанной экспедицией работы красноречиво свидетельствует план реки Бии, состоящий из 92 квадратных листов (57×57 см), из них 70 относятся к изысканиям 1909 г., а остальные 22 выполнены в 1910 г. На плане четко обозначены глубины, скорость течения, протоки, скалы, перевозы,

¹ Гришаев В.Ф. «Я люблю Алтай крепко...» // Алтай. 1993. № 6. С. 96.

² Сведения об изыскательских работах В.Я. Шишкова взяты из книги: Вячеслав Шишков и Сибирь / составление, сопроводительный текст Н.В. Серебрянникова. Томск, 2008.

³ Алтайский альманах / авт.-сост. Т.Г. Черняева. [Перепеч. с изд. 1914 г.]. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 134.

⁴ Вячеслав Шишков и Сибирь. Томск, 2008. С. 22.

⁵ Шивер – пережат, т. е. мелководный участок речного русла с пологим скатом, обращенным против течения, и крутым – по течению.

⁶ Цит. по: Гришаев В.Ф. «Я люблю Алтай крепко...» // Алтай. 1993. № 6. С. 97.

пороги, показаны отдельные дома, заимки, дороги, луга, леса, пашни в прибрежной полосе. «Нельзя не восхищаться, – пишет В. Ф. Гришаев, – и качеством чертежных работ: шесть цветов туши, чистота и свежесть красок – не чертеж, а картина!»¹

В 1911 г. В. Я. Шишков во главе изыскательской экспедиции отправился в Восточную Сибирь. И вновь, как и в 1900 г., он занимается изучением возможности соединить две великих реки – Енисей и Лену. Для этого необходимо было обследовать правый приток Енисея, реку Нижнюю Тунгуску. Цель экспедиции – «обследовать по трем вариантам водораздел между Леной и Нижней Тунгуской» (возможно ли проведение канала между ними), а также «произвести полунструментальную съемку и промеры для выяснения условий судоходства на всем протяжении этой реки (2500 верст), до впадения в Енисей»². Суровые, на грани между жизнью и смертью, условия экспедиции нашли отражение в очерке «Холодный край (Из дневника скитаний 1911 года)», а впечатления от ледяной, беслоно мчащейся по каменному извилистому руслу реки, продуваемой мощным ветром, впоследствии легли в основу замысла романа «Угрюм-река».

Последняя сибирская экспедиция В. Я. Шишкова вновь забросила его на Алтай. Чуйский тракт – это, пожалуй, самая значительная работа В. Я. Шишкова-изыскателя в Сибири. Недаром на современном Чуйском тракте установлен памятник В. Я. Шишкову, в 1913–1914 гг. руководившему здесь экспедицией государственного значения.

Для того чтобы представить масштаб проделанной В. Я. Шишковым и его сотрудниками работы, расскажем о наиболее важных этапах экспедиции на Чуйский тракт³, а затем покажем хронику событий в подборке писем В. Я. Шишкова М. В. Аверьянову, Г. Н. Потанину и В. И. Анучину.

Торговый путь между Алтаем и Монголией существовал с середины XVIII в. однако он не был обустроен. В конце XIX – начале XX вв. были предприняты усилия для улучшения пути. По инициативе бийских купцов, собравших по подписке необходимые средства, в 1901–1903 гг. была построена колесная дорога между Онгудаем и Кош-Агачем. Тракт в это время проходил по такому маршруту: Бийск – Старая Белокуриха – Алтайское – Черга – Шебалино – Онгудай – Кош-Агач (так называемому левобережному).

Однако, во-первых, Чуйский тракт не был доведен до Бийска, а во-вторых, средств на дальнейшее поддержание дороги в проезжем состоянии не нашлось. После окончания дорожного строительства ремонтных работ на ней не проводилось, и к началу 1910-х гг. тракт пришел в почти «первобытное» состояние.

В 1911 г. Чуйский тракт передали в ведение Министерства путей сообщения, и появилась возможность для коренного улучшения дороги, столь необходимой

¹ Гришаев В. Ф. «Я люблю Алтай крепко...» // Алтай. 1993. № 6. С. 96–97

² Вячеслав Шишков и Сибирь. Томск, 2008. С. 35.

³ Обзор составлен по материалам сайтов: www.geo.ru; www.skyth.ru; www.altaj.ru.

для развития торговли. В 1912 г. бийский городской биржевой комитет обратился в Министерство путей сообщения с ходатайством о безотлагательном исправлении тракта, его поддержала администрация Томской губернии. Бюджетная комиссия Государственной думы нашла это ходатайство заслуживающим внимания и отпустила 15 тыс. рублей на изыскательские работы в Горном Алтае в 1913–1914 гг. Эта сумма позволяла провести съемку дороги на всем ее протяжении от Бийска до Кош-Агача (500 верст).

Летом 1913 г. в Горный Алтай была направлена экспедиция во главе с В. Я. Шишковым. Экспедиция должна была спроектировать трассу от Бийска до монгольской границы с наибольшей экономической выгодой. Что лучше: пробивать тракт по старому направлению колесной дороги – или строить его вдоль Катуня, по правому ее берегу, где на пути встречалось множество неприступных скал?

В. Я. Шишков решил параллельно вести обследование обоих маршрутов. Для удобства и ускорения работы партия, состоящая из 10 человек, была разделена на две группы. Задачей первой группы, так называемой «чуйской», являлось продолжение изысканий по старому направлению дороги: Бийск – Верх-Катунское – Белокуриха – Алтайское – Черга – Шебалино – Онгудай – Кош-Агач. Это направление называлось левобережным. Вторая группа, «катунская», должна была вести изыскательские работы в правобережном направлении: Бийск – Майма – Усть-Сема – Эдиган с выходом на левобережное направление в Кор-Кечу. Экспедицией В. Я. Шишкова была проделана огромная работа по трассировке будущего тракта и составлению карт, которые до сих пор поражают безукоризненной четкостью и аккуратностью.

Однако в начале первой мировой войны все изыскания были свернуты. В. Я. Шишков со своей партией возвратился в Томск, а затем перевелся на службу в Петербург, в Управление шоссейных дорог, где продолжал обработку собранного материала до конца 1916 г. Выбор окончательного варианта направления пути сделали только в 1920-е гг. в пользу Катунского направления. В 1930-х гг. строительство дороги было закончено заключенными концлагерей. Чуйский тракт сдан в эксплуатацию 1 января 1935 г.

А теперь обратимся к документальной хронике изысканий.

В письмах В. Я. Шишкова сухие факты «оживают», обрастают подробностями, приобретают эмоциональную окраску. Восемь писем относятся к 1913 г. одно (№ 9) датируется предположительно августом 1914 г., два написаны в декабре 1915 г. Письма эти случайно сохранились в разных архивах¹, здесь публикуются лишь отдельные фрагменты.

¹ Письмо № 1 – в Рукописном отделе Института русской литературы (ИРЛИ), Санкт-Петербург; письма № 2–4, 6–7, 9, 11 – в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского университета; № 5, 8, 10 – в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Москва.

Предыстория экспедиции – командировка В. Я. Шишкова в Петербург, на съезд «русских деятелей по водным путям», – представлена в письме известному книгоиздателю М. В. Аверьянову (письмо № 1), именно в эту поездку в столицу В. Я. Шишков получил в Управлении шоссейных дорог Министерства путей назначение на работу по изысканию Чуйского тракта. В декабре 1915 г. уже не в Петербурге, а в Петрограде (название города изменили в начале 1915 г. в связи с антинемецкими настроениями в обществе) закончилась напряженная работа: карты и планы были отложены на неопределенное время. Эпилог двухлетнего труда – в последнем письме подборки (№ 11).

Начальный этап экспедиции отразился в газетных объявлениях. «Жизнь Алтая» 12 мая 1913 г. (№ 103) в заметке «Исследование Чуйского тракта» сообщала: «Вчера на пароходе "Владимир" приехал в Барнаул и на пароходе "Скромный" отбыл в Бийск начальник партии по исследованию Чуйского тракта В. Я. Шишков». Газета «Алтай» в одном из майских номеров за 1913 год обратилась к читателям: «Требуются для перевозки грузов по Чуйскому тракту шесть лошадей, три телеги, четыре двухколески и несколько человек опытных проводников с рекомендацией, бывалых на Чуйском тракте. Нужны также на лето надежные рабочие на Чуйский тракт. Обращаться в "Московское подворье" к технику Петрову»¹ Ниже, в письме В. Я. Шишкова от 10 сентября 1913 г., вы прочитаете о том, как, заканчивая первый изыскательский сезон, руководитель партии собирался устроить в Бийске аукцион для продажи «восьми лошадей да таратаек».

Техник Василий Петров, назначенный руководить работами Чуйской партии, в своих воспоминаниях отмечает, что «Вячеслав Яковлевич был требовательный, строгий, но справедливый начальник. Пьяниц он не выносил и быстро с ними расставался. Техники и рабочие любили Вячеслава Яковлевича, верили ему и охотно работали с ним весь сезон» несмотря на тяжелые условия: «Временами у нас в экспедиции не было даже хлеба. Покупали живых баранов и свеживали их, а туши вешали на деревья, чтобы мясо дольше не портилось. На кострах варили пшеничную кашу, иногда я пек пирожки на этих кострах, приспособив для этого железные листы. Жили мы в палатках. Днем жара доходила до тридцати градусов по Реомюру (37° по Цельсию), а ночью вода замерзала в ведрах. От ночного холода спасались в спальнях мешках, предусмотрительно закупленных по поручению Вячеслава Яковлевича»².

Эти сведения подтверждаются в письмах В. Я. Шишкова, из них мы узнаем о том, какой опасной была экспедиция 1913 г.: пришлось и мерзнуть, и тонуть в Катунь, и тратить «нервы и время». В 1914 г. трудовые будни украсило присутствие Ксении Михайловны Жихаревой, его второй жены, при ней Алтай словно раскрывал все свои сказочные природные чудеса (письмо № 10).

¹ Гришаев В.Ф. «Я люблю Алтай крепко...» // Алтай. 1993. № 6. С. 98.

² Вячеслав Шишков и Сибирь. Томск, 2008. С. 33.

Как всегда, внимателен В. Я. Шишков к участи простых людей: монголов, на которых нападают отряды казахских разбойников, русских крестьянок и алтайцев, обираемых голодными солдатами (письма № 7, 8). Оказывается, на время проведения экспедиции в район изысканий, прилегающий к границе, были направлены войска, и военные топографы участвовали в исследованиях тракта. «Русские окаянные порядки», вернее, халатность высшего начальства заставили солдат мародерствовать, а местных жителей страдать от потерь собственного имущества. В. Я. Шишков особенно возмущен отношением войска к коренным жителям, алтайцам, которые в страхе откочевывают в горы, подальше от грабежей.

Экспедиция на Чуйский тракт была, по сведениям В. Ф. Гришаева, «девятой по счету в послужном списке техника Шишкова за 20 лет его службы в Сибири. Восемь из них он возглавлял сам».

В 1973 г. увековечивая память о В. Я. Шишкове в его столетний юбилей, на берегу Катуня, на 118-м километре Чуйского тракта был установлен памятник работы барнаульского скульптора П. Л. Миронова¹.

Итак, теперь мы словно слышим голос самого писателя.

1. М. В. Аверьянову

14 января 1913 г.,
Бежецк

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Я скоро встречусь с Вами, т. к. в конце января или начале февраля буду на XV съезде русских деятелей по водным путям делать свое сообщение на тему «Нижняя Тунгуска как путь сообщения». В Питере проживу около месяца².

2. Г. Н. Потанину

15 февраля 1913 г.
Петербург

Дорогой Григорий Николаевич, я, может быть, нонче (так у В. Я. Шишкова – Т. Ч.) на Тунгуску не поеду, а буду исследовать существующий Чуйский тракт, от Бийска до Кош-Агача, и проеду в Монголию до Кобдо. Тракт плохой. Он переходит во владение нашего Округа, и его будут улучшать. Он признан в Питере имеющим огромное торговое и главным образом стратегическое значение. От Тунгуски я откажусь, я все-таки знаю ее хорошо, материалу художественного уйма у меня, и мне не хочется упустить такой редкий и счастливый случай познакомиться вплотную с Алтаем и Монголией. Вот теперь работаю уже вторую неделю в Министерстве, составляю смету на работы по Чуйскому тракту и

¹ Гришаев В.Ф. «Я люблю Алтай крепко...» к 120-летию В. Я. Шишкова // Алтай. 1993. № 6. С. 98, 100.

² Письмо от 14 января 1913 г. опубликовано Н.Т. Панченко в журнале «Русская литература» в 1967 г., № 4. С. 205.

по исследованию монгольского Коро-Ирцыса до озера Улюнгур (Соленое). Там тоже нонче предполагаются изыскания¹

3. Г. Н. Потанину

5 марта 1913 г.,
Петербург

Теперь окончательно решено, что Тунгуска на нынешний год отложена, и я поеду на Чуйский тракт. Я уже писал Вам о той радости, которая меня буруевает при мысли об Алтае. Об этом я так давно мечтал и грезил. Обстоятельства так хорошо сложились, что я не умею, как и благодарить Бога. <...> Думал, послезавтра уеду – не тут-то было, всучили еще казенную работу: составить программу на 5 лет по исследованию рек (второстепенных) нашего Округа. Так как этими работами буду заведовать я, то мне увилывать не приходится².

4. Г. Н. Потанину

26 мая 1913 г.,
Аю-Гулак

Дорогой, милый Григорий Николаевич!
Здравствуйте, хороший мой.

Я возвращаюсь из Кош-Агача в Бийск и через неделю опять поеду в Кош-Агач на работы. А пока предварительно осмотрел тракт. Конечно, его можно улучшить, но для этого нужны большие средства. Да и слава Богу: народ здесь небогатый, в заработке нуждается. <...>

Алтай красив. В особенности его вечные снега, земли надгробие. Что за прелесть Чуйские Альпы. А густые пушистые букеты розового маральника, которыми щедро убран Алтай рукою Ангела, почивающего на вечных снегах!³

5. В. И. и С. Ф. Анучиным

13 июня 1913 г.,
Бийск

Я уже второй раз еду к Кош-Агачу. Первый раз проехал тракт Бийск – Кош-Агач – Бийск с 15 по 31 мая. <...>

У меня дел по горло. Одна партия от Бийска уже работает, другая только еще идет с обозом в Кош-Агач.

Впечатлений много, но нет ни минуты свободной, чтоб писать в газету. Проклятая служба и нервы берет и время.

¹ Письмо от 15 февраля 1913 г. опубликовано Н.Ф. Бабушкиным и Я.Р. Кошелевым в журнале «Сибирские огни» в 1959 г., № 2. С. 176.

² Там же. С. 177.

³ Письмо от 26 мая 1913 г. опубликовано Я.Р. Кошелевым в журнале «Алтай» в 1957 г., № 10. С. 293.

Если что вздумаешь написать – пиши: г. Бийск, начальнику пристани Ф. С. Смирнову для передачи мне. Он перешлет¹.

6. Г. Н. Потанину

1 августа 1913 г.,
между Аю-Гулаком и Июдро

Славный и милый Григорий Николаевич!

<...> Недавно встретил в Курайской степи обоз, остановившийся на ночлег возле нашего лагеря. Ямщики говорят, что в Монголии, откуда они возвращаются, забравшиеся туда киргизы² (с Иртыша, Катон-Карагая) в числе 500 человек обирают монголов: отбивают лошадей табунами, грабят айлы, убивают, вырезают целые семьи. <...>

Вы в письме завидуете мне, что я живу в теплых долинах Алтая. Я читал и улыбался: мы жили в это время, так сказать, на небесных полатях, на Курайской степи, и накануне ночью был сильный иней. Мы все время дрогнем по ночам, как слепые без матери щенята. Там даже днем, чуть солнце за облако спрячется, сразу наступает холодина. А вот приехал я в Бийск (пишу из Бийска) да остановился во второй своей партии под Шебалиной – чуть не изжарился, там действительно тепло.

Как ехал в Бийск, с Мыюты (*так у В. Я. Шишкова – Т. Ч.*) свернул на Катунь, в Анос. Заходил к Гуркину – нет его, уехал куда-то дней на десять. Однако там меня угостили чаем и показали Студию художника. Завтра еду обратно берегом Катунь. Не доезжая до Чепоша, сверну через Камлак на Чергу. Хочу из Мыюты съездить за 15 верст к Каму Тошетану, тому самому, которого когда-то били в Мыюте.

Прошли мы всего с работами 250 верст. Еще осталось столько же. Вряд ли придется приехать в Томск раньше конца сентября³.

7. Г. Н. Потанину

12 августа 1913 г.
между Аю-Гулаком и Июдро

Только что вернулся из Бийска. Ехал все время под дождем и думал: «Господи, за что такая на меня напасть». Мокрый, грязный, нырлял по дорогам, по ужасным ухабам, наполненным грязью, скакал своею телегою по камням величиною с доброго барана, все бока отбил. Ехал Катунью. В передний путь чрез Улалу (чуть не утонул в монастырской даче), обратно чрез Манжерок, берегом Катунь. Хотел свернуть чрез Камлак на Чергу, но дня четыре тому

¹ Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 227.

² Так до 1925 г. называли казахов.

³ Письмо от 1 августа 1913 г. опубликовано Н.Ф. Бабушкиным и Я.Р. Кошелевым в 1959 г. в журнале «Сибирские огни». № 2. С. 178.

назад паром на Катунь сорвало и унесло с народом вниз по реке. Поймали у устья Муны. <...> Идут по Чуйскому тракту войска. До моего приезда прошли 2400 человек, горная батарея, пулеметная рота, саперы, казаки, пехота. И, господи, что это за русские оканянные порядки. Солдаты некоторые хорошо едят, некоторые форменно голодают, мародерством занимаются, у баб из печей хлебы тащат, штыком грозят, грабят огороды. Из нашего стада двух баранов угнали. <...> Что за подлость. Иностранцев страшно обижают, забирают лошадей, заставляют груз везти, забирают баранов, ни черта не платят. Все алтайцы в горы перекочевали. Боятся. Вот так русское воинство. Солдат не виноват, во всем виновато начальство, Шмидт. Не распорядился развезти по линии заблаговременно съестные припасы. Даже офицеры ропщут.

Еще штука случилась в Монголии. Там, где-то возле Кобдо, работают военные топографы. У одного из них кто-кто зарезал всю его команду: шесть солдат и переводчика, теленпита. Ночью. Есть подозрение на киргиз, которые грабят монголов. А некоторые думают на китайских хунхузов. На офицера так это подействовало, что он бросил службу и едет домой. В Онгуде служил панихиду.

В очень красивых местах живу, радуюсь и молюсь природе. От близости дивных красот душа чище становится, умягчается сердце, хочется добрым быть.¹

В. В. И. и С. Ф. Ануциным

10 сентября 1913 г.,

Онгудай

Работы первой группы закончились 7 сентября, вторая закончит 11 сентября. Сижу с техником в Онгуде, жду вторую группу. В Бийске аукцион будем устраивать лошадей (8 штук) да таратайки продавать².

9. Г. Н. Потанину

Июль 1914 г. (?),³

Онгудай

Из Онгудая пишу Вам. До Аноса ехал Катунью, оттуда на Мыюту свернул. Моя милая спутница Ксения Михайловна в восторге от Алтая. Она много стран видела горных – Алтай больше по душе. <...>

¹ Письмо от 12 августа 1913 г. Опубликовано Н.Ф. Бабушкиным и Я.Р. Кошелевым в 1957 г. в журнале «Алтай». № 10. С. 294–295.

² Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 228.

³ В оригинале письмо не датировано. В воспоминаниях К.М. Жихаревой читаем: «Когда настало время мне возвращаться, Вячеслав Яковлевич поехал меня проводить до Бийска, и примерно на полпути от Онгудая нас захватило известие о войне». Цит. по: Вячеслав Шишков и Сибирь. Томск, 2008. С. 86. Дата письма может быть определена с большой вероятностью: 30 июля 1914 г. в России было объявлено о всеобщей мобилизации, т. е., будучи связанной соглашениями с Англией и Францией, она должна была вступить в войну.

<В Аносе, у Гуркиных> прожил 2 дня. Хорошо! И этот сад цветущий, и журчащий ручеек в нем, и громады гор кругом – все располагает к тихой хорошей мечте. А тихие алтайские ночи! Как хороши они, как торжественны. Я люблю Алтай крепко, с каждым годом любовь моя растет, и не знаю, чем я возьму Алтай ту радость и счастье, которым он меня наделяет каждый день, каждую минуту. Если б я был поэтом, я воспел бы его, я бесконечно стал бы прославлять его красу и мощь. <...>

Завтра выедем из Онгудая, поставлю на работу Катунскую группу и поеду к группе Чуйской. А оттуда в Бийск, где буду 20 июля. А потом вернусь в партию и буду жить в долине Катуня¹.

10. Г. Н. Потанину

25 июля 1915 г.,

Петроград

Сколько здесь проживу, не знаю, к проекту еще не приступал, по всей вероятности, придется жить до весны. <...> Министерство путей сообщения хотело было разрабатывать Чуйский тракт военнопленными, но военное министерство не согласилось дать пленных, ссылаясь на то, что они, умея организоваться, могут устроить массовый побег через Монголию².

11. В. И. Анучину

19 декабря 1915 г.,

Петроград

У нас в Министерстве великая неразбериха. Деньги Чуйские неизрасходованными (около 8 тысяч) должны быть возвращены в казну, т. к. срок кредита кончается, а новых вряд ли ассигнуют. Хотя, кажется, выдумают кунштютк (*проделка, фокус – Т. Ч.*), по которому спасут погибающий Чуйский кредит, записав меня кредитором казны. <...> Если проект будут разрабатывать (еще не приступали), то задержусь здесь на 8 месяцев, т. е. до осени. <...> Телеграмма о моем переводе послана без моего ведома³, когда же я пошел объясняться к управляющему шоссейным отделением Гешореру, он сказал, что это сделано по приказу начальника Управления и что они не обязаны докладывать мне о своих действиях. Из дальнейшего выяснилось, что начальник Управления признал невозможным мою командировку (*подчеркнуто В. Я. Шишковым – Т. Ч.*)

¹ Письмо Г.Н. Потанину (июль 1914 г.) опубликовано Я.Р. Кошелевым в 1957 г. в журнале «Алтай». № 10. С. 293.

² Письмо от 25 июля 1915 г. см. в кн. Шишков В.Я. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма. Л., 1956. С. 248–249.

³ Речь идет о переводе В.Я. Шишкова из Томского округа путей сообщения в Петроград, в Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог, в связи с необходимостью проектирования Чуйского тракта.

продлить еще на 8 месяцев, что перевод чисто условный, по окончании коего я вправе распоряжаться собой, т. е. остаться здесь или поехать обратно. Из еще более дальнейшего выяснилось, что, может, опять останусь на старых правах, т. е. командированным, что очень невыгодно, т. к. мне теперь ни гроша не платили суточных на компенсацию дороговизны, тогда как все получали примерно в размере одной трети оклада, и лишили обычных праздничных наградных. А здесь мои 250 рублей все одно что 17 рублей 50 копеек в Томске.

Может, приеду в январе. Может, в октябре 1917 года. <...> Числящиеся за мною технические отчеты составлю по возвращении или придется потребовать из Управления копии денежных документов. Об этих отчетах я уже получил запрос¹.

12. Г. Н. Потанину

Декабрь 1915 г.,
Петроград

Глубокоуважаемый, милый, дорогой Григорий Николаевич.

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и Новым Годом. Целую Вас. Двадцать лет я проводил Рождество в Томске, но 21-й год придется праздновать на родине, в Бежецке, со стариком отцом.

Когда увижусь с Вами – не знаю. Чуйский тракт и вообще Министерство держат меня в Питере, сколько продержат – тоже не знаю, так как судьба моя человечья зависит от воли начальства и от Матери-Планиды. Но это ничего: отсюда Сибирь мне видней, пишу о Сибири, думаю о ней и буду писать и думать о второй моей родине, пока не иссякнет порох в пороховницах, пока не высохнет душа².

2. Алтай в творчестве В. Я. Шишкова

В Чуйской экспедиции В. Я. Шишков занимался не только организацией изыскательской работы. Обратимся вновь к воспоминаниям техника Василия Петрова, первого помощника В. Я. Шишкова: «Вячеслав Яковлевич любил заходить в избы крестьян, в юрты алтайцев, где подолгу беседовал с их обитателями. Во время этих бесед Вячеслав Яковлевич ничего не записывал, но зато вечерами в его палатке долго горела свечка: он сидел над своей заветной тетрадью. В это время мы не беспокоили его»³.

Во время работы в Чуйской экспедиции В. Я. Шишков не переставал сотрудничать в «Сибирской жизни» и, вполне вероятно, по вечерам работал над

¹ Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 229–230.

² Письмо Г.Н. Потанину (декабрь 1915 г.) опубликовано Н.Ф. Бабушкиным и Я.Р. Кошелевым в журнале «Сибирские огни» в 1959 г., № 2. С. 179.

³ Вячеслав Шишков и Сибирь. Томск, 2008. С. 33.

материалами, составившими впоследствии цикл путевых очерков «По Чуйскому тракту». В письме В. И. и С.Ф. Ануциным от 13 июня 1913 г. он сообщает, что отправляется во второй раз в Кош-Агач с обозом левобережной, «чуйской», партии и жалуется: «нет ни минуты свободной, чтоб писать в газету», хотя «впечатлений много».

Тем не менее, уже 7 июля 1913 г., на второй полосе воскресного, 148-го, номера «Сибирской жизни» появился очерк «Первые этапы». В нем описано начало путешествия рассказчика от Бийска до села Алтайского. Текст очерка завершается обещанием «Продолжение будет» и указанием на место, откуда он был послан в редакцию, – Кош-Агач. Все последующие очерки этого цикла появлялись в «Сибирской жизни» на протяжении лета и осени 1913 г.¹ Барнаульская «Жизнь Алтая» частично перепечатывала эти очерки².

В цикле очерков «По Чуйскому тракту» В. Я. Шишков опирается на длительную традицию путевого очерка в журналистике и литературе. Обширная и разнообразная информация о жизни современного писателю Чуйского тракта композиционно выстроена как перемещение рассказчика в пространстве: от Бийска до перевала Чике-Таман – по старому, левобережному, маршруту. Об этом красноречиво говорят названия отдельных очерков: «От Алтайского до Муюты», «Шебалина – Топучая», «Семинский перевал – Кеньга», «Онгудай». Русские и алтайские названия населенных пунктов, рек, горных хребтов (села Смоленское, Старая Белокуриха, Черга, Сараса, Хабаровка, перевалы Каменное седло, Чике-Таман, река Урсул, озеро Елбань и др.) в изобилии встречаются в очерках, отражая коренную особенность Алтая как многонационального пространства.

В цикле очерков, безусловно, отражаются профессия и занятия рассказчика. Как дорожный техник-изыскатель, он внимателен к состоянию тракта. Он отмечает ужасающее состояние дорог в Бийске, этом «богатом, разжиревшем на монгольских хлебах» городе; вблизи деревни с «говорящим» названием Топучая, где два воза в грязи «так загрязли, что и колес не видать»³; на опасном перевале Чике-Таман: «один неловкий шаг лошади, и она вместе с возом сорвется вниз»⁴. Но напрасно было бы думать, что В. Я. Шишкова главным образом волнуют проблемы дорожного строительства. Нет, его взгляд видит окружающее гораздо глубже. Перемещаясь в пространстве, рассказчик движется и во времени, меняется в процессе открытия нового, незнакомого для него мира. В цикле обозначено время начала путешествия – в первых числах мая рассказчик выехал на Алтай (из Томска) и наблюдал за севом пшеницы по пути

¹ Последний очерк, «Черт-атаман», напечатан в «Сибирской жизни» 5 ноября 1913 г. (№ 243).

² Очерк «Первые этапы» появился в «Жизни Алтая» 17 июля 1913 г. (№ 156).

³ Шишков В.Я. Чуйские были: роман. Очерки. Рассказы. Барнаул, 1986. С. 154.

⁴ Там же. С. 177.

от села Верх-Катунского к селу Смоленскому – и его завершения: в сентябре он добрался до Онгудая, где хлеб уже был «убран и сложен в желтые огромные зароды»¹

По неустроенному, подчас опасному для жизни Чуйскому тракту рассказчик движется в глубь «орды», т. е. мест, где издавна жили в уединении от остального мира коренные народности Алтая. Их уклад жизни, верования, обычаи, их живая, таинственная и непонятная для русских связь с природой разрушается под воздействием чуждой культуры. В. Я. Шишкову, демократу и гуманисту по природе, всегда было свойственно пристальное, сочувственное внимание к так называемым «инородцам» (так именовали в XIX – начале XX вв. представителей нерусских народностей).

В «Автобиографии» 1928 г. В. Я. Шишков упоминает о своих «повестях и рассказах инородческих, где отражена внешняя и внутренняя, духовная жизнь наивных и чистых, как нетронутая природа, тунгусов, крепких якутов и поэтических, но нищих племен Алтая»². В рассказе «На Бии» встречаем проникнутое восхищением и симпатией описание «черневых татар»³: «...Мужики в белых холщовых штанах и рубахах с кумачными вышивками на плечах и под мышками, а бабы либо в ярких ситцевых, либо в холщовых, вроде рубах, платьях. Смуглые, в большинстве чумазые, неряшливые, с черными глазами и волосами, высокие, сильные – они были красивы под лучами солнца и пестрели своими белыми, желтыми, голубыми и красными нарядами, как цветки средь буйной, густой травы»⁴.

О «доброй душе» этого народа говорит в рассказе «На Бии» переселенец из России: «Они народ любопытный, у них, мотри, кажинному ручейку, кажинной балочке прозвище дадено: камень, к примеру, и весь-то с кулак, шалкой прикрыть, разщеперился надвое, вроде вилашек, – у них прозвище "Аир-Таш"; скала ушла в поднебесье, да козырем верхушечка татулилась, – у них опять кличка "Карлач-Уязы" – ласточкино гнездо, значит. Они, брат, все примечают, любят земельку свою, всему названье дают... А то и песню сложат хорошую... Едет – поет, идет – поет... Что видит, про то и поет: река – про реку, девка – про девку, орла высмотрит – про орла песня сложена»⁵.

¹ Шишков В.Я. Чуйские были: роман. Очерки. Рассказы. Барнаул, 1986. С. 175.

² Шишков В.Я. Алые сугробы. Харьков: Изд-во «Пролетарий», 1928. С. 15. Серия «Библиотека современных писателей».

³ Так назывались во времена В. Я. Шишкова народности Алтая (тубалары, челканцы, кумандинцы), проживавшие в северной его части, на левом берегу Бии, на реке Лебедь, северо-западном побережье Телецкого озера. Черневые – от слова «чернь», означавшего «густой, непроходимый лес, тайга».

⁴ Алтайский альманах / авт.-сост. Т.Г. Черняева. [Перепеч. с изд. 1914 г.]. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 130.

⁵ Там же. С. 132.

В цикле очерков В. Я. Шишков приводит образец такой песни, «переведенной одним из священников на русский язык»:

Беленький цветочек
Северного места
От любви к Алтаю
Раскрывается.

Пятилетний ребенок,
Прославляя Бурхана,
Молится ему.

Сорок две пуговицы
Можешь ли застегнуть враз?
Ученье Бурхана
Можешь ли скоро понять?

Рубящий дом
О четырех углах,
Топор остер.
Сорок племен угнетающий,
Сердитый русский народ¹.

В песне в поэтическом ключе представлено религиозное течение, возникшее в начале XX в. среди народностей Алтая, – бурханизм, ему и его духовному вождю посвящены два очерка, входящих в цикл «По Чуйскому тракту, – «Усмирители» и «Еще о Чете Челпане». В последней строфе создан яркий и наглядный образ, раскрывающий противоположность русской и алтайской культур. Русская изба – о четырех углах, в то время как алтайский чум – круглое внизу, сужающееся кверху жилище, каркас из жердей, покрытый корой или берестой.

В приведенном отрывке обозначена одна из болезненных проблем алтайских народностей: колонизация исконно принадлежащих им земель, разрушение веками сложившихся традиций скотоводства и земледелия. Очерк «Калмыки»² раскрывает суть противоречий между алтайскими скотоводами и русской властью – в диалоге рассказчика со знатным калмыком Аргамаем Кульджиным, живущим в Кеньге, «небольшом селенье, столице калмыцкого царства», по определению В. Я. Шишкова.

¹ Шишков В.Я. Чуйские были: роман. Очерки. Рассказы. Барнаул, 1986. С. 166.

² Напомним, так официально назывались народности, проживающие на Алтае, до 1925 г.

Рассказчик спрашивает хозяина:

– Ну, как живут наши калмыки?

– Житье наше плохое. Кабинет¹ обвел нас межой, лишил простора. Нашему народу надо много земли – у нас скота много. Скот от бескормицы падает. Падет скот – вымрут калмыки. Надо нас жалеть. Мы со своей землей пришли в верноподданство, мы не с голыми руками пришли. Нас не воевали, мы сами пришли. Нас монголы да Китай обижали. Мы стали просить у русских защиты².

В конце беседы рассказчик задает Аргамая важнейший вопрос:

– Ну, а что, если б правительство всем кеньгинским калмыкам дало бы общую площадь земли и сказало бы: «Вот вам земля, как хотите, так и устраивайтесь». То же самое и катунским калмыкам.

– Это было бы очень хорошо (с. 160).

Выслушав мнение Аргамая, «начитанного, богатого, предприимчивого», не раз бывавшего в Петербурге в надежде заключить с властями договор о поставке «для сибирских частей русской армии особой породы лошадей», – неутомимый рассказчик и в другом очерке, «Беседа с зайсаном»³, вновь заводит разговор о нынешней жизни калмыков со старостой, представителем местной власти:

– Раньше лучше было?

Зайсан отвечает:

– Известно, лучше. Раньше – куда хочешь гони скотину, запрету не было, вся земля была наша. А теперь одним обществам хорошие куски попали, другим худые. Раньше равенство было. Кто на плохом корму – в хороший гнал, к соседям. Те не препятствовали. Лучше было бы всему нашему народу сообща отмежевать сколько есть нашей земли.

И вдруг, схватив мою руку и припав к ней потным своим широким лбом, зайсан заговорил:

– Пиши, пожалуйста, в газету, пожалуйста, пиши...

Я изумился. Наконец-то, наконец и темный калмык уверовал в силу печатного слова (с. 162).

Явная ирония слышится в последней фразе приведенного отрывка. Ирония эта направлена на бытовавшее среди многих чиновников представление об инородцах как отстающих и «темных». Однако в следующем очерке, «Особое

¹ Кабинет – имеется в виду Кабинет Её Императорского Величества императрицы Екатерины II, в его ведение перешли алтайские заводы и рудники, заведенные Акинфием Демидовым и ставшие по указу от 1 мая 1747 г. собственностью императорской семьи. Народы Алтая официально были приняты в русское подданство в 1756 г.

² Шишков В.Я. Чуйские были: роман. Очерки. Рассказы. Барнаул, 1986. С. 159. Далее страницы этого издания указываются в тексте в круглых скобках.

³ Зайсан – староста рода (сеока) у алтайцев, в начале XX в. исполнял также функцию местного судебного органа (мирового судьи). О значении зайсана у алтайцев говорит пословица: «Без ворота шубы не бывает, без зайсана народ не существует».

мнение», читатель узнает другую оценку: просвещенный российский чиновник, «бывший земский статистик», который хорошо осведомлен о внутреннем устройстве жизни калмыков, вовсе не считает их отсталыми. Он видит «уклад калмыцкой жизни» извне и понимает, что нельзя отдавать все полномочия зайсанам, как правило, богачам:

– У зайсанов огромная власть. Зайсан имеет полное право пустить на землю его рода за деньги, за водку русских переселенцев. Примеров сколько угодно. Таким образом инородческая земля расхищалась за счет обогащения одного лица, зайсана... И пострадавший от отравы не смел пикнуть: богач сживет его со свету. Теперь этого не может быть. И понятно, почему богачи всячески противятся введению новых порядков (с. 162).

Для современно мыслящего, образованного чиновника важнее всего упорядоченность имущественных отношений, и введение «внутринадельного размежевания», т. е. четкого закрепления каждого участка земли за хозяином, по его мнению, улучшит участь бедняков. Однако и он понимает, что «в данное время происходит полная ломка всему укладу инородческой жизни» (с. 164).

Но жизнь населяющих Алтай людей – как дорога, как река: сегодня одна, завтра другая, сегодня грусть-печаль, завтра – праздник. Не только вражду, противоречия хозяйственных интересов между русскими и калмыками видит рассказчик, но и дружеское расположение, сближение в межнациональных браках.

В очерке «Шебалина – Топучая» в одном коротком «кадре» запечатлена выразительная сцена. Русская баба тащит с крутой горы новорожденного теленка («корова ночью на самой вершине горы отелилась»): «Много ямщиков ехало. Все видели, смеялись. Никто не помог. Да, спасибо, калмык верхом проезжал». Он-то и помог измучившейся женщине. «Та рада, вся мокрая, истомленная, говорит русским ямщикам:

– Вот спасибо Чолтушу. Ух, умаялась. Они вот все такие, все алтайцы, даром что которые нехристи... Чего говорить, народ смиренный» (с. 155).

В очерке «Страшный кам»¹ в девятнадцативерстном пути от Мууты до Шебалиной с рассказчиком едет ямщик, «рожденный от смешанного брака – русской и теленгита»², «крещеный калмык». Именно он поведал рассказчику историю «страшного кама», которую В. Я. Шишков впоследствии по-своему передал в одноименном рассказе³.

¹ Кам – шаман.

² Теленгиты – одна из народностей, проживающих в южной части Горного Алтая, в бассейне реки Катунь и ее притоков.

³ О работе над повестью «Страшный кам» В.Я. Шишков писал В.С. Миролубову 6 августа 1919 г. См.: Шишков В.Я. Письма к В.С. Миролубову // Литературный архив. М.–Л., 1960. Т. V. С. 253. Повесть впервые опубликована в коллективном сборнике: Московский альманах. М., 1923. Кн. I. С. 45–209.

Необычную свадьбу в Кенге: русский женится на русской, но празднует по-калмыцки – подробно изображает наблюдательный рассказчик в очерке «Русско-калмыцкий той»¹. Ямщик, тоже приглашенный на пиршество, разъясняет, что по-русски жених и невеста три дня назад обвенчались, а «теперь все по-калмыцки пойдет, весь обряд, потому как они среди калмыков живут. Обязаны вроде уважения сделать, без этого нельзя» (с. 167–168).

Счастье молодых не подлежит сомнению: объявшись, ничего не видя во круг, мимо толпы, «осевшей у огнища», они идут в поле, «где колосится рожь, где звенит под солнцем песня жаворонка» (с. 169).

На свадьбу с почетом приглашали и богача Аргамая, но он прислал вместо себя женщин с подарками. Среди них его красавица дочь: «в голубой бархатной шубе с лисьим воротом, в круглой расшитой бархатной шапке, лицом бела, румяна, глаза весенними листочками, черные. Сказкой голубой плывет, мягко ступая по зеленому лугу» (с. 168).

Гостей приглашено немыслимое количество, для алтайцев в двух котлах варят конину, а для русских – баранину. По алтайским обычаям на празднике будет байга – состязание на конях в беге. По русским – устроили знатную драку: «плох тот праздник, где не расквасят друг другу носы» (с. 172).

Зоркий глаз рассказчика замечает и другое: древние курганы за Туехтой, каменные бабы, трехсотпудовые, «ловко воткнутые торчком в землю», испещрены надписями, самая приличная из них сделана белилами: «братья щикотуры Климовы» расписались. Возчики от нечего делать упражняются в метании камней по древним памятникам. И рассказчик горестно замечает: «До поклонения искусству они не доросли, им мало дано, с них короток и спрос, но с сибирского общества такое пренебрежение к изваяниям древних – взыщется» (с. 174).

В очерке «Онгудай» рассказчик вновь отмечает смешение разных национальных традиций. Российские переселенцы переименовали калмыцкое название в «Возгудай» и шутят по этому поводу: «Въедет с своею парусинною кибиткой в самое село да и спрашивает какую-нибудь всю в кумаче бабу:

– А скоро ль, тетенька, Возгудай будет?

Та хохочет и отвечает ему:

– Не доходя прошедши» (с. 175).

Однако рассказчику не до смеха. Это последний «культурный до Кош-Агача поселок», где «есть с живой душой люди» и проворные мужики-говоруны достаток имеют от обслуживания тракта. Но незаметно, чтобы «они "до смерти работали", зато "до полусмерти пьют"», а ведь последний пункт, где можно купить «гадную отраву души и тела», – в 200 верстах от них, в селе Алтайском. И рассказчик выплескивает свою боль и горечь в беспощадном выводе: «Русский мужик погряз, русский мужик вконец пропивается, он на

¹ Той – свадьба.

вымирание себя обрекает, он в пьяном виде зачинает детей, производит большое, нервное потомство» (с. 175).

Но в пути быстро происходит смена впечатлений и ракурсов, солнце выходит из-за туч и освещает окрестности. И с высоты поднимающейся кверху дороги Онгудай по-иному видится рассказчику, гармоничную симметричность замечает он в ясный осенний день: «Две улицы по селу прошли. Две церкви, старая и новая, на пригорке красуются в зеленых рощах. Вдоль села Урсул гремит, по селу речка Онгудай течет, а от нее голубыми непьюльными тропинкам бегут в канавках холодные ручейки – арыки. То здесь, то там среди села стоят зеленые колки: ели, лиственницы сбегались кучками и шепчутся. Кругом села желтеющие нивы: хлеб уран, сложен в желтые огромные зароды¹. Целая улица их» (с. 175).

На многих других страницах цикла можно еще остановиться, многие другие грани притрактовой жизни увидеть глазами писателя. Это и алтайская легенда о Морской короле, живущей на дне озера («Калмыки»), и рассказ о знаменитых маральниках, в которых маралов разводят из-за ценных, полезных для здоровья рогов («Шебалина – Топучая»), и лирические описания природы («Первые этапы», «От Алтайского до Муюты»), и история зачинателя алтайского бурханизма Чета Челпанова...

Однако пора подводить итоги. Чуйские впечатления В. Я. Шишкова основаны на его близком знакомстве с изображаемой в очерках реальностью. Продолжая лучшие традиции русских очерковых циклов («Записки охотника» И. С. Тургенева, «Власть земли» Г. И. Успенского), В. Я. Шишков глубоко проникает в насущные проблемы жизни обитающих вокруг Чуйского тракта простых людей: бедных и богатых калмыков, русских крестьян-переселенцев, ямщиков, купцов, чиновников. Читая очерки, вспоминаешь еще и поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В главе «Пьяная ночь», действие которой происходит «на широкой дороженьке», и безымянные, и названные по имени (Яким Нагой, например) персонажи один за другим берут слово, чтобы рассказать о своей жизни. «Встраивая» в очерки мнения персонажей, В. Я. Шишков придает большую достоверность и убедительность образу чуйского мира, в целом оптимистическому. Рассказчик пока движется по старой дороге, но он проектирует новый, улучшенный тракт, и его надежды направлены в будущее.

Иначе представлено многонациональное пространство Алтая в художественном произведении В. Я. Шишкова, «Чуйских былях», – цикле из пяти рассказов, с зачином и концовкой. В нем преобладает трагический взгляд на чуйский мир. Смелое по замыслу, яркое по исполнению, это произведение отразило лучшие черты стиля раннего, дореволюционного, творчества писателя.

Первый вариант цикла «Чуйские были» был опубликован в петербургском «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» в феврале

¹ Зарод – стог, скирда сена или снопов пшеницы, не круглой, а продолговатой формы.

1914 г. (№ 2. С. 28–37). Публикации предшествовала переписка с Виктором Сергеевичем Миролобовым (1860–1939), известным издателем журналов, рассчитанных на широкого демократического читателя.

В письме В. С. Миролобову от 4 октября 1913 г. из Томска В. Я. Шишков писал: «Готовлю и в конце октября пришлю "Чуйские были" Начерно почти написал. Недурно выходит»¹.

31 октября 1913 г. он вновь упоминает о «Чуйских былях»: «Завтра отправляю "Чуйские были" Монгольский вопрос теперь в моде. Поэтому думаю, что "Чуйские были" будут кстати. Фамилии все вымышлены. В основу каждого эпизода положен факт»².

8 декабря 1913 г. В. Я. Шишков откликается на известие о том, что редактор журнала принял цикл к печати: «Дорогой Виктор Сергеевич! Благодарю Вас покорно, что приняли "Чуйские были"»³.

И, наконец, 8 марта 1914 г. цикл опубликован: «Очень благодарю Вас за "Чуйские были" что не задержали»⁴.

В «Ежемесячном журнале» цикл состоял из шести рассказов: «Зеркальце», «Часы», «Тавро», «Живые мешки», «Гнус» и «Русские купцы и алтайцы», однако в последующие годы В. Я. Шишков не оставлял работу над текстом. Очевидно, его не вполне удовлетворяло то, что последний рассказ даже по названию резко отличается от остальных. В первых пяти рассказах преобладает притчево-сказочная манера повествования, в последнем, шестом, явно ощущается документальная основа, хотя и скрытая под вымышленными фамилиями персонажей.

В 1916 г. В. Я. Шишков помещает второй вариант цикла, состоящий из четырех рассказов («Зеркальце», «Часы», «Живые мешки», «Гнус»), в свой сборник «Сибирский сказ». И только в сборнике «Пурга. Повести и рассказы о старой Сибири» (М.: Недра, 1932) цикл окончательно сложился.

Безусловно, в «Чуйских былях» ощущается глубинная связь с очерками «По Чуйскому тракту». Она проявляется, в первую очередь, в многонациональном составе персонажей: инородцам – калмыку (алтайцу), киргизу (казаху), монголам и китайцам – в цикле противостоят русские купцы. По Чуйскому тракту происходил товарообмен между населяющими огромные пространства по ту и другую стороны русско-монгольской границы народами. Поэтому мотивы купли-продажи, обогащения и связанные с ними обман, вымогательства, грабежи появляются в «Чуйских былях» вполне закономерно.

Как уже было сказано ранее, в путевых очерках о Чуйском тракте В. Я. Шишков с сочувствием и симпатией изображает инородцев и стремится показать

¹ Шишков В.Я. Письма к В.С. Миролобову // Литературный архив. М.–Л., 1960. Т.V. С. 234.

² Там же. С. 235, 236.

³ Там же. С. 237.

⁴ Там же. С. 240.

постепенное сближение русских и алтайцев («Русско-калмыцкий той»). В «Чуйских былях» у писателя другая задача: показать различия между русскими и инородцами в историческом аспекте – это две разные цивилизации, два отстоящих друг от друга в историческом времени уклада жизни.

В то же время, как и в очерках «По Чуйскому тракту», в «Чуйских былях» соединяются традиции русской и инородческой (алтайской) культур. Они переплетены неразрывно в самом названии цикла. Быль, русская часть названия, – это и литературный, и фольклорный жанр, обозначающий и краткость, компактность произведения, и его прямую связь с реальной жизнью (рассказано о таких случаях, которые действительно были), и устную, сказовую форму повествования. В названии (а также в зачине и концовке) присутствуют алтайские мифы о воде, о ее живительной силе и жизнеприносящей функции, о том, что вода – стремительная река Чуя, текущая с юга на север, – несет в себе и противоположную идею все уносящего потока.

В. Я. Шишков в своем художественном цикле следует широко распространенным среди сибирских интеллигентов конца XIX – начала XX вв. взглядам на отношения аборигенной Сибири и России как на конфликт колонии и метрополии¹. Беззащитное и бесправное аборигенное население Сибири подвергается со стороны купечества насилию, обманам, обсчетам, попадает в кабальные условия оплаты грошовых товаров². Однако «Чуйские были» – это не социологическое или историческое исследование, а художественное произведение. Поэтому в нем предстают яркие, сочные образы, близкие по манере изображения к бытовой сказке о хитром, жадном купце и его проделках.

Уже в зачине цикла автор четко заявляет, что он на стороне слабых, обижаемых. Чуйский тракт, Кош-Агач, знакомые нам по очеркам В. Я. Шишкова, здесь превращаются в символические образы насилия и страданий: «Через Кош-Агач Чуйский тракт идет. Узкой тропой соединил он сибирский город Бийск с монгольским – Кобдо.

Весь бы этот тракт серебром можно вымостить да золотом, что загребли-захапали купцы у алтайцев и монголов.

Весь бы тракт можно слезами залить, что сочились из глаз полудиких, с чистой душой кочевников: такой большой обидой и горем наделил их русский неистовый, алчный хищник»³.

В двух начальных рассказах цикла – «Зеркальце» и «Часы» – возникает «колониальный сюжет». В первом из них русский купец («колонизатор») привозит

¹ См. об этом: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония.: к юбилею 300-летия. СПб., 1882. См. современное переиздание: Ядринцев Н.М. Сочинения. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. I.

² Ядринцев Н.М. Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири // Отечественные записки. 1876. № 12.; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 72–82, 264–296.

³ Шишков В.Я. Чуйские были: роман. Очерки. Рассказы. Барнаул, 1986. С. 234. Далее страницы этого издания указываются в тексте в круглых скобках.

на окраину грошовый предмет, пятикопеечное зеркальце, а получает за него от добродушного калмыка Аргамая («аборигена») четырех быков. Во втором рассказе другой купец, напоив киргиза Юсупа водкой, подкладывает тому за пазуху часы, а затем догоняет его со своими сообщниками в ночной степи и грозит тюрьмой. Откупаясь от ареста, Юсуп отдает купцу трех лучших жеребцов.

В этих коротких рассказах-сценках В. Я. Шишков проявляет удивительное искусство повествования, близкого к фольклорной традиции. Персонажи окрашены контрастно: инородцам даны индивидуальные имена, они наделены добротой, наивностью, доверчивостью, а купцы не имеют имени, они оба на одно лицо.

Аргамай впервые смотрит в зеркало и не узнает себя:

– Чего врешь?! Нету!.. Шуба моя, а рожа сроду не видал, не знаю!.. (с. 235).

Старый Юсуп, впервые взяв в руки диковинные часы, радуется:

– Живой... Стукат...

Не имея возможности купить часы, он мечтает о том, как хорошо было бы раздражить их всем своим домашним: «Старой своей жене, молодой жене да дочке... Сыну, джигиту, трое часов повесит, себе целый десяток... Ха-ха... Пусть тикают, пусть вертят стрелками. Это больно хорошо... Он верблюду часы подарит, он быку подарит. Пусть и бык при часах ходит... Хе-хе...» (с. 237–238).

Русские купцы – не все, а только те, чьей души коснулась «подлая алчность», выписаны одной, черной, краской. Автор пристально следит за тем, как жажда наживы убивает в них человеческие чувства.

«Зеркальце»

Вспомнил купец про зеркальце.

Думает:

«Надо подарить. Убыток небольшой – пятак».

Достал, показывает (с. 235). <...>

А купец совсем обмяк, радость другу своему доставить хочет, говорит:

– Да я тебе его...

– Делай милость, продай... Сколько хочешь возьми!

И вдруг купеческая душа в подлую алчность покатилась (с. 236).

В этом рассказе купец не сразу решается на обман, но соблазн наживы велик.

«Часы»

Жил-был ласковый торгаш с мышинными глазами. Он такой хитрый, что любого шайтана мог трижды перехитрить.

Плут (с. 236). <...>

Очень ласковый торгаш (с. 238). <...>

Ласково торгаш отвечает:

– Да мы знаем, что не брал. Вот я с понятиями еду, всех обыскиваем... Вас много в лавке было... (с. 238).

Взял купец верблюду, велел пригнать на заре трех лучших игреневых жеребцов.

И с честью возвратился восвосяи (с. 238).

Здесь у купца с самого начала было намерение обмануть и обобрать Юсупа, поэтому выделенная жирным шрифтом фраза ярко демонстрирует обратное представление этого купца о чести: **нажился – значит, прав.**

Так главной темой, объединяющей рассказы, становится тема совести, задавленной «подлой алчностью», проданной дьяволу души.

В двух следующих рассказах цикла, «Тавро» и «Живые мешки», изменяются персонажи-инородцы: теперь это тоже купцы, монгол Раптан и китаец Чанбо. Русские купцы в этих рассказах – еще более алчные и ради огромной наживы идут на преступления.

Так, в зачине рассказа «Тавро» кратко передана предыстория купца с кличкой «Неправедный». Он «роду крестьянского, в молодости пастухом был, из Монголии гонял хозяину овец». Считая себя умным, решил, что «богатым будет обязательно». Но от народа не скроешь правды, а народ про него говорит: «Он крест сбросил, а совесть-то пяткой притоптал» (с. 239).

Неправедный отрекся от обычаев русских купцов, издавна ценивших силу честного купеческого слова, и, когда он в Иркутске в купеческом клубе проговорился о том, что намерен свои миллионы добывать разбоем («вот кого ежели б по башке шкворнем съездить да капиталом завладеть»), купцы с возмущением «немедленно спустили его с крыльца» (с. 239), изгнали с позором из своей компании.

В. Я. Шишков в этих рассказах искусно нагнетает тему корыстного преступления, алчность ширится, приобретает небывалые размеры, заполняя купеческую душу, вытесняя из нее все человеческое. Неслучайно в купцах из рассказов «Тавро» и «Живые мешки» повествователь подчеркивает звериные черты.

«Тавро»

«Приехал, лавочку открыл, руки загребущие расставил, хайло свое, рот щучий открыл широко» (с. 239).

«Живые мешки»

«Русский купец шире расправляет свой карман, черным вороном кричит, зорко высматривает падаль» (с. 244).

В этих двух рассказах истории взаимоотношений купцов и их жертв сюжетно развернуты: показаны семьи монгольского купца Раптана и китайца Чанбо, их полное доверие русским друзьям: «Мы тебе верим... Мы тебе верим, друг Ван Ваньч» (с. 241). Более подробно, психологически детализированно показаны жертвы купеческого произвола.

Нарастает мотив разрушенной алчностью купеческой души: «Взвилась – вздыбилась купеческая мохнатая душа» (с. 243) – рассказ «Тавро». «Убей... – соблазняет купца алчность. <...> Убей, убей. Все твое будет, – неотвязно мерещится купцу» (с. 247) – рассказ «Живые мешки».

Кульминация цикла – рассказ «Гнус». История Гнуса поначалу напоминает сюжеты о купцах-злодеях из предшествующих рассказов: грабил инородцев, «горы золота нажил», а «скупость сказочная» (с. 248). Но от других купцов

Гнуса отличает «степная, дикая удаль». Подчиняясь ей, Гнус отказывается от своей нации, становится оборотнем-атаманом разбойничьей шайки киргизов. «Завел себе весь наряд киргизский: малахай бархатный с лисьей выпушкой сделал, чатпор березовый вырезал – такую палку с корневищем на конце, трахнешь по голове – череп, как арбуз спелый, разлетается!» (с. 249).

Гнус со своей шайкой решает грабить караваны с серебром на границе русской территории с Монголией. Начальство посылает на поимку Гнуса двадцать пять казаков, «двадцать пять отпетых голов». Им обещают за поимку разбойников награду.

Однако победоносной схватки с преступной шайкой в рассказе не происходит – напротив, казачий отряд погибает в степи, не сделав ни одного выстрела. Это не сказочный финал – в сказках добро побеждает зло. Как же объяснить выбранный писателем трагический конец цикла?

Видимо, дело в том, что и в казачьи сердца проникла алчность, за награду они стараются, а не за совесть. Ночью, когда казаки в палатке «завалились спать», на них две грозы надвигаются: «Светлая гроза, с молнией и ливнем. Черная гроза – Гнус, душа коварная» (с. 250).

На карауле стоит сторожевой казак Петр Байкалов. Хоть у него и геройское имя (Петр значит «камень»), и сибирская фамилия, он трус, боится разбудить старшего по команде: «А старший злой: Байкалов и его боится, и грозы боится, не знает, как быть» (с. 250). Даже когда по степи поползли шорохи – звуки приближающейся конной разбойничьей шайки, и тогда Байкалов не выполнил своего долга, а «проворно залез в палатку и с головой шинелью закрылся» (с. 251). Удивительно динамично изображает повествователь эту ночную сцену. Он как будто присутствует здесь, в степи, следит за дозорным, призывает его быть бдительным:

«Караул, сторожевой казак, караул!.. Черная гроза – опасная» (с. 250).

«Эй, смотри, казак!.. Как блеснет молния – смотри!» (с. 251).

«Эх, казак, казак...» (с. 251).

По спящим казакам промчались «три тысячи бешеных коней во весь опор»: «Одну слякоть оставил от казаков Гнус, душа звериная» (с. 251).

Как видим, цикл В. Я. Шишкова «Чуйские были» – не только о том, как притесняли русские купцы сибирских инородцев (так чаще всего рассматривают это произведение писателя). Смысл его глубже. Мотивы проданной дьяволу души, утраченной веры, предательской трусости придают этому циклу нравственно-философский смысл.

Однако в самом конце повествователь вновь возвращается к алтайским мифам, призывая священную реку Алтая, Чую, сменить гнев на милость: «День идет, день идет, ночь кончилась...». Как и в очерковом цикле «По Чуйскому тракту» В. Я. Шишков устремлен в будущее, он верит и призывает читателя поверить в то, что скоро волны Чуи «запоют иные песни и будут сказывать новые были, светлые и радостные. <...> Милости, Чую, священная река, больше милости!» (с. 252).

3. Г. Д. Гребенщиков о В. Я. Шишкове

С Алтаем В. Я. Шишкова связывали не только дорожные изыскания и темы литературного творчества. Мы вправе предположить, что его симпатия к Алтаю имела персонифицированный характер. Родом с Алтая был один из ближайших друзей писателя – Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1883?–1964). Г. Д. Гребенщиков по праву назвал себя в одном из очерков «схромным сыном своего полудикого Алтая»¹, а газетные корреспонденции неизменно подписывал псевдонимом *Алтайч*. Имя этого талантливого писателя, активного журналиста, человека с удивительной судьбой в советское время было вычеркнуто из истории литературы, однако в последние десятилетия возвращается на родину².

В отличие от В. Я. Шишкова, осознавшего писательское призвание уже в зрелом возрасте, Г. Д. Гребенщиков начал писать довольно рано.

Когда в томской газете «Сибирская жизнь» впервые появилась аллегорическая сказка В. Я. Шишкова «Кедр» (8 ноября 1908 г.), имя Г. Д. Гребенщикова было уже известно в Сибири после театрального успеха пьесы «Сын народа»: летом 1908 г. она была поставлена в Усть-Каменогорске и Семипалатинске, а в 1909–1910 гг. – в Омске, Томске и Барнауле. Еще раньше Г. Д. Гребенщиков стал журналистом: под псевдонимом «Крестьянин Г-щ», он печатался в семипалатинских газетах (1905–1907), а в газете «Омское слово» (декабрь 1908 – апрель 1909 г.) он впервые испытал себя в роли редактора. Необычайно энергичный, он побывал в обеих российских столицах, во Франции, Италии, увиделся с Л. Н. Толстым в Ясной Поляне. Перебравшись осенью 1909 г. в Томск, он познакомился с Григорием Николаевичем Потаниным (1835–1920), «большим сибирским дедушкой», и беззаветно отдался идеям изучения и просвещения Сибири. Два года подряд, в 1910 и 1911 гг., по совету Г. Н. Потанина, он побывал

¹ Гребенщиков Г. Д. Письма к друзьям // Барнаул. 1995. № 4. С. 153.

² Гребенщиков Г. Д. Гонец. Письма с Помпеяра / авт. предисл. и сост. А. А. Макаров. М., 1996; Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь / вступ. ст. Д. С. Калмыкова, В. А. Росова, Е. И. Балакиной, С. С. Каташа. Барнаул, 2002; Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957) / сост. В. К. Корниенко. Барнаул, 2008; Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь: автобиогр. повесть / предисл. и примеч. Т. Г. Черняевой. Барнаул, 2004; Гребенщиков Г. Д. Чураевы: роман-эпопея в 4 ч. Барнаул, 2006–2007. Ч. 1 Братья Чураевы; Спуск в долину / вступ. слово В. Ганичева; предисл. Т. Г. Черняевой. 2006; Ч. 2 Веления земли; Трубный глас. 2006; Ч. 3 Сто племен с единым; Океан багряный. 2007; Ч. 4 Лобзание змия; Радонег; Статьи, воспоминания / подгот. текстов Т. А. Черняевой. 2007; Гребенщиков Г. Д. В просторах Алтая статьи и очерки (1911–1915) / сост., авт. предисл. и примеч. Т. Г. Черняева. Бийск, 2006; Гребенщиков Г. Д. Сибирские повести и рассказы (1911–1919) в 2 кн. / сост., авт. предисл. и примеч. Т. Г. Черняева. Бийск, 2007–2008. Кн. 1. 2007; Кн. 2. 2008; Алтайский альманах / сост. Т. Г. Черняева; предисл. Т. Г. Черняевой, Н. П. Гончарик, О. Г. Левашовой; прилож. и примеч. Т. Г. Черняевой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Гребенщиков Г. Д. Письма в Сибирь и Петербург (1907–1917). Кн. 1. Бийск, 2008.

в длительных экспедициях на юго-западе Алтая, в долинах рек Убы и Бухтармы, где с середины XVIII в. жили в укромных горных поселениях старообрядцы. С 1908 г. он публиковался на страницах «Сибирской жизни», позднее сотрудничал в «Сибирском слове», в иркутской «Сибири», газетах Красноярска, Ново-николаевска и Барнаула. В феврале 1912 г. стал редактором барнаульской газеты «Жизнь Алтая». В течение четырех лет Г. Д. Гребенщиков издал в Петербурге-Петрограде четыре прозаических сборника¹. Им был инициирован, подготовлен к печати и издан в Петербурге в 1914 г. «Алтайский альманах», в который вошли стихотворения и проза авторов, публиковавшихся на страницах газеты «Жизнь Алтая», в том числе и рассказ В. Я. Шишкова «На Бии».

Встреча В. Я. Шишкова с Г. Д. Гребенщиковым произошла в Томске, в доме Г. Н. Потанина, скорее всего в 1909–1910 гг. В. Я. Шишков сам написал об этом в автобиографической заметке 1926 г. «На одном из потанинских вечеров я познакомился с беллетристом, уже известным в Сибири Г. Д. Гребенщиковым, который принял самое горячее участие в моих литературных начинаниях и стал моим другом»².

Дружба этих двух весьма непохожих, талантливых, ярких личностей: Г. Д. Гребенщиков был порывистым, порой резким, нетерпимым, В. Я. Шишков, напротив, запомнился всем, кто знал его, мягким, спокойным, добрым человеком – длилась долгие годы, хотя расстаться им пришлось довольно скоро. В феврале 1916 г. Гребенщиков отправился на фронт, добровольно вступив в армейские ряды братом милосердия, а затем стал незаурядным организатором санитарных отрядов, уполномоченным Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам. После распада регулярной армии он оказался в Крыму и в августе 1920 г. выехал в Константинополь. Первые четыре года после отъезда из России писатель жил в Европе, а с 1924 по 1964 г. – в Америке. Известно, что после отъезда Г. Д. Гребенщикова из России В. Я. Шишков помог первой жене писателя Людмиле Николаевне и сыну Анатолию перебраться из Сибири в Петроград и заботился о них.

Трогательная оценка В. Я. Шишкова сохранилась в воспоминаниях Г. Д. Гребенщикова о Г. Н. Потанине: «Я знал, что я не из любимейших его (Г. Н. Потанина – Т. Ч.) друзей. Без чувства ревности скажу, что он нежнее относился к другу моему, писателю Вячеславу Шишкову. Между прочим, это один из тех моих неизменных старых друзей, дружбу с которым мы начали длиннейшей и нежнейшей перепиской, живя в одном квартале, почти рядом. Шишков старше меня лет на десять, и талант его в то время блистал в томских салонах именно тем, что он, будучи путевым исследователем на реках Лене, Тунгуске, на Чуе и т. д., умел выхватывать из наблюдений жизни и из народного быта самые

¹ В просторах Сибири. Т. 1. СПб., 1913, В просторах Сибири. Т. 2. Петроград, 1915. Змей Горыныч. Петроград, 1916. Степь да небо. Петроград, 1917

² Цит. по: Гришаев В.Ф. «Я люблю Алтай крепко...» // Алтай. 1993. № 6. С. 99.

смешные и трогательные случаи и притом чудесно сам это читал. Да и характер его, мягкий, улыбочивый, уютный, располагал гораздо больше, нежели мой суровый "богдыханский" нрав»¹.

К огромному сожалению, не сохранилось ни одного письма из «нежнейшей переписки» Г. Д. Гребенщикова и В. Я. Шишкова: архив В. Я. Шишкова погиб в первые месяцы Великой Отечественной войны в г. Пушкине (Царское село), а оставленные Г. Д. Гребенщиковым на Алтае, в селе Кольванский завод, письма, черновики, другие документы были утрачены. Единственное сохранившееся письмо Г. Д. Гребенщикова, адресованное В. Я. Шишкову, датировано 1943 г. Приводим его полностью²:

*В. Я. Шишкову
Москва*

3 июня 1943 г.

Дорогой друг Славушка, много воды и человеческой крови утекло с тех пор, как мы обменивались письмами. Теперь уже пять лет, как мы не слышим ни звука ни от родных, ни от друзей. Не знаю, где Людмила, где Анатолий³. Живы ли? Может быть, ты знаешь?

С самого начала Отечественной войны мы оба, кроме очередных наших работ, кое-что делаем для помощи СССР. Теперь <...> вот уже три года, как я профессорствую по русской истории и литературе, а Таня заведует здесь типографским отделом в том же колледже и преподает типографское искусство⁴.

Еще когда А. М. Горький был жив, он писал мне и приглашал сотрудничать в советских журналах, предлагал издать собрание моих сочинений, но как-то мне не удалось последовать его совету, но письмо его у меня сохранилось, где он советовал сослаться на него, если нужно. Теперь я хотел бы сотрудничать, где это будет возможно, и просил бы твоего в этом содействия и совета.

Недавно прочел статью о твоём романе «Пугачев»⁵. Верю, что это опять сильно, широко, как все твоё творчество.

¹ Гребенщиков Г. Д. На склоне дней его (из воспоминаний о Г. Н. Потанине) // Гребенщиков Г. Д. Чураевы. Барнаул, 2007. Ч. 4. Радонега; Статьи. Воспоминания. С. 291.

² Текст письма приводится по машинописной копии, сделанной Н. Г. Харченко, директором Краеведческого Музея в г. Шемонаихе (Республика Казахстан) 27 июля 2000 г. для неутомимого собирателя произведений Г. Д. Гребенщикова барнаульца А. Б. Фирсова. В течение многих лет он создает собрание сочинений писателя в нескольких экземплярах и дарит их Алтайской краевой библиотеке им. В. Я. Шишкова.

³ Гребенщикова Людмила Анатольевна – первая жена Г. Д. Гребенщикова, сын, Анатолий Георгиевич (1905–1941) пропал без вести под Ленинградом.

⁴ Гребенщикова Татьяна Денисовна (урожденная Стадник) – вторая жена Г. Д. Гребенщикова.

⁵ Первый том исторического романа В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев» вышел в свет в 1941 г.

Прошу тебя откликнуться поскорее и поподробнее, лучше всего воздушной почтой по адресу: Professor George D. Grebenstchikoff <...> Florida Southern College Lakeland, Florida. USA [Профессор Георгий Д. Гребенщиков. Южно-Флоридский колледж, Лейкленд, Флорида, США].

Возвратимся в 1910-е годы, в Сибирь. В. Я. Шишков и Г. Д. Гребенщиков активно участвовали в культурной жизни Томска, ставшего после открытия в нем в 1888 г. классического университета, а в 1900 г. Технологического института, признанным центром культуры и образования, сибирскими Афинами¹. О том, какие культурные события происходили в Томске в начале 1910-х гг., свидетельствует очерковый цикл Г. Д. Гребенщикова «Письма к друзьям», фрагменты которого приводятся далее. В начале октября 1912 г. Г. Д. Гребенщиков, редактор газеты «Жизнь Алтая», отправился в длительную командировку в Санкт-Петербург. Его маршрут был несколько необычен: вначале пароходом он плыл до Новониколаевска, затем поездом до Томска, где провел целую неделю, и только после этого опять на поезде он выехал в северную столицу. Замысел Г. Д. Гребенщикова состоял в том, чтобы стать посланцем Сибири в столице и тем самым сблизить два культурных центра: Петербург и Томск. Как вы увидите далее, имя В. Я. Шишкова неоднократно появляется на страницах очерков.

Письма к друзьям

[В первых двух очерках: «Под диктовку интимности» и «Подорожная мозаика» – названа цель поездки и прослежен путь на пароходе от Барнаула до Новониколаевска с остановками в селах Камень и Славгородское, а затем на поезде до Томска]

III

На открытии Дома Науки²

Мне на этот раз очень повезло. Я попал на очень редкое и знаменательное торжество – на открытие первого в Сибири приюта для ищущего света и знания простолюдина, на открытие Дома науки, предназначенного в будущем для помещения в нем народного университета.

Дом науки воздвигнут заботами и средствами почтенного книгопродавца П. И. Макушина³, первого сибирского пионера в деле распространения печатного слова. За 50-летнюю свою деятельность в качестве книготорговца он

¹ За честь называться «сибирскими Афинами» в XIX в. спорили Барнаул, Томск и Иркутск. После открытия первого за Уралом университета (1878, 1888) победу одержал Томск.

² Впервые опубликовано: Жизнь Алтая. 1912. 18 окт. (№ 232).

³ Макушин Петр Иванович (1844–1926) – общественный деятель, один из пионеров книжного дела и просвещения Сибири, издатель «Сибирской газеты» (1880–1888) и «Сибирской жизни».

посеял немало добрых семян на темную народную ниву, и создание им на склоне лет Дома науки является красивым заключительным аккордом его полувековой просветительской деятельности.

Открытие состоялось 7 октября, в воскресенье. День выдался тихий, солнечный и слегка морозный.

К 12-ти часам к Дому науки, возвышающемуся красивым храмом на Воскресенской горе, стянулись десятки экипажей и сотни людей разных званий. <...>

В 12 часов началось, при участии архиепископа Макария, молебствие в громадном, светлом, с высочайшими окнами лекционном зале, переполненном разнообразной публикой. <...>

Первым на трибуну поднимается учредитель и строитель Дома науки П. И. Макушин. Он <...> говорит, что обогащение страны идет вслед за знанием и просвещением, так как богатства страны неразрывно связаны с ее культурным подъемом. Кто из нас желает блага родине, должен искать выхода из такого положения, должен всеми мерами содействовать пробуждению в общественном сознании необходимости осуществить завет Д. И. Менделеева: чтобы в каждой деревне была хорошая школа, в каждом городе гимназия и в каждой губернии университет.

<...> Народный университет идет навстречу всем, в ком есть серьезное стремление к знанию, но кто лишен возможности проходить регулярную школу, одинаково предлагая духовную трапезу для званных и незванных.

Дальше идут горячие приветствия от ученых, общественных и других учреждений и лиц, выраженные в многочисленных адресах, приветствиях и речах. Некоторые речи отличаются особенной теплотой и красочностью; таковы речи председателя Общества попечения о народном образовании С. В. Горохова, председателя общества содействия открытию сельских библиотек присяжного поверенного Головачева, А. В. Адрианова, приват-доцента К. Н. Завадовского, заведующего вечерними общеобразовательными курсами Воскресенского, профессора Лобанова¹ и писателя В. Я. Шишкова, выступившего от литературно-художественного кружка².

Его речь я считаю долгом привести целиком:

– Когда прожита зима и на горизонте встает весеннее солнце, земля начинает пробуждаться. Солнце все сильнее и ярче шлет свои лучи, дни удлиняются,

¹ Горохов Сергей Владимирович – почетный гражданин, сын томского купца 1-й гильдии В.А. Горохова; Адрианов Александр Васильевич (1853–1920) – этнограф, археолог, публицист, сотрудник томских и иркутских газет; Лобанов Сергей Викторович (1870–1930) – профессор медицинского факультета Томского университета.

² Литературно-художественный кружок томской интеллигенции был организован в 1909 г. профессором Томского университета М.Н. Соболевым (1869 – не позднее 1945), его председателем стала жена М.Н. Соболева, Вера Петровна. Участники кружка выступали с докладами на литературные темы, воспоминаниями, вечера заканчивались, как правило, музыкальными номерами.

еще немного – и потекли ручьи, зашумели с горы водопады, гроза пришла, ударила, потрясла воздух – земля проснулась. Уже зеленеют рощи, цветами покрылись луга, оделись в зеленый бархат нивы. И солнце, чертя в небе путь, заливает вселенную ласковыми лучами. И нет у него забытых, нет обездоленных: весь мир купается в его тепле и свете. Серебрятся под солнцем воды, рдеют луга и поля, тайга в многообразной жизни своей слагает гимн природе. И пахарь, и горожанин, рабочий рудников и таежный зверолов-инородец благословляющими взорами приветствуют это вечное Божье око.

От лица томского литературно-художественного кружка я желаю, чтоб и открываемый ныне Дом науки имени Петра Ивановича Макушина, подобно красному солнышку, засиял над сибирской страной, чтоб его животворные лучи одинаково осветили даже отдаленнейшие, чающие своей весны уголки Сибири. Пусть двери Дома науки, этого посредника между интеллигенцией и народом, будут широко открыты не только демократическим слоям городского населения, но и исконному кормильцу-пахарю, но и полудикому инородцу, затерявшемуся в необъятных просторах Сибири, потому что все живое неудержимо тянется к солнцу, потому что человечество вечно ищет путей к обещающему пророками царству Божию на земле.

Пусть же вознесется над сибирской страной это солнышко и да будут его дни незакатными!

Гроном аплодисментов была особенно отмечена речь В. Я. Шишкова. <...> Георгий Гребенщиков.

IV

Неделя в Томске¹

С вокзала я позвонил одному из лучших своих друзей, беллетристу Вячеславу Шишкову. Этот молодой писатель-сибиряк замечателен тем, что, изображая неприглядную жизнь народа, он в тяжкое горе его вглубь целые снопы иногда горького, иногда солнечного смеха. Небольшой рассказ «Теща», недавно напечатанный в «Жизни Алтая»², вы еще, вероятно, помните?

Кроме того, В. Шишков должен считаться большим знатоком аборигенов дальнего Севера – тунгузов³ и якутов. Он исколесил почти все необъятные просторы, раскинутые у Полярного круга, и теперь выдвигает целый ряд ценных рассказов из жизни тунгузов, среди которых им собрано много песен, сказок и коллекций по этнографии. Однако как литератор он выдвинулся еще недавно и пока не чурается нашего брата бродяг... Вот и я попросился к нему на квартиру.

¹ Впервые опубликовано: Жизнь Алтая. 1912. 25 окт. (№ 237).

² Рассказ В. Я. Шишкова «Теща» опубликован в «Жизни Алтая» 23 сентября (№ 212). 1912 г.

³ Тунгузы – прежнее название эвенков, народности, населяющей таежную зону Восточной Сибири.

– Валяй, брат, прямо! – пробасил он мне по телефону.

Еще не доехав до его квартиры, я вижу стоящим у крыльца огромного человека в одном пиджаке и с непокрытой головою, энергично размахивающего руками:

– Сюда, сюда, черт!..

На меня так и брызнул шишковский юмор... С этих пор я, с маленькими передышками, хохочу вот уже семь дней, так как напитанный, переполненный юмором мой гостеприимный хозяин не может от времени до времени не выгужать и не рассыпать его направо и налево.

У художника Михаила Щеглова

В первый вечер мы с Шишковым направились к живущему рядом сибирскому художнику М. М. Щеглову¹. Имя его уже достаточно популярно не только в Сибири, но и в России, но жители алтайских дебрей едва ли знают о нем все, что следует знать. Это еще совсем молодой человек лет 29–30. Кисть его чрезвычайно разнообразна и совершенно оригинальна, с каким-то резким, но выразительным штрихом. Будучи по преимуществу жанристом, он в то же время сделал большие успехи в области прикладного искусства и весьма славится как талантливый карикатурист. Его шаржи, пародии и карикатуры ярко и выпукло отражают все уродливые стороны нашей жизни, и, пожираемое конфузом, сгибается все, на что направлено их лезвие...

Мы целый вечер находились под чарами его оригинальной музыки и чувствовали себя всецело поглощенными тем разнообразием и обилием образов, над которыми неустанно и с необычайной энергией работает художник.

Теперь М. М. Щеглов доканчивает значительный по ответственности заказ московского издательства Сытина²: иллюстрирование романа Льва Толстого «Анна Каренина». <...> Щеглов сделал уже около 80 иллюстраций, создав по описанию Л. Н. Толстого отдельные, полные настроений и мысли картины. Остается исполнить еще около 20, и художник надеется окончить работу к Рождеству.

Видя, с одной стороны, крупную работу художника, а с другой – массу мелочной, по прикладному искусству, снисходящему до изобретения стильных стульев и туалетных безделушек, я высказал огорчение тем, что художник расточает драгоценное время и свой талант на пустяки. За это художник ухватился, и мы горячо поспорили на эту тему. Он доказывал, что искусство всякое и хорошо и идейно – раз ему отдаешься искренно и любишь его. Я позволил себе не согласиться с ним и остался при мнении, что быть и виртуозом в создании безделушек, хотя бы и самых блестящих, и творцом живых, зовущих

¹ Щеглов Михаил Михайлович (1885–1955) – художник. Учился в Строгановском училище в Москве. В 1906–1913 гг. жил и работал в Томске, преподавал рисование в Коммерческом училище.

² Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) – владелец одного из крупнейших книгоиздательств России.

к высшей духовной красоте образов, – не одно и то же. Несмотря на то, что меня поддержал В. Я. Шишков, сказавший, что прикладное искусство ласкает только глаз, а чистое искусство возвышает душу, – М. М. Щеглов остался при своем мнении, и в его словах сказывалась его горячая любовь к искусству как целому, без подразделений и исключений. Я почувствовал в этом сектантскую, способную преодолеть всякие препятствия влюбленность его в свое славное дело и не стал спорить.

В мотивах художника преобладает колорит Севера: тунгузы, остяки¹ и проч., и потому северянин В. Я. Шишков с особенным благоговением остановился на этих мотивах, на идольчиках, бубнах, божках, оленях, нартах и орнаменте, благо, что у художника в этой области неисчерпаемый источник материалов. <...>

У Григория Николаевича Потанина

Назавтра вечером мы отправились на Даниловский переулочек, где среди скромных построек, почти в закоулке, в нижнем этаже полукаменного дома живет Сибирский дедушка...

Я припоминаю, как на одном из вечеров томского литературно-художественного кружка был выставлен рисунок М. М. Щеглова, на котором коренастый дедушка Потанин держал в объятьях и прижимал к сердцу огромную, выше себя, карту Сибири. Символ весьма прост и красноречив².

У нас нет и никогда не было людей, кроме Ядринцева³, которые бы с такой необычайной теплотой и постоянством отдавали себя своей родине и которые бы, столь много для нее сделавши, оставались все в том же скромном и непретенциозном уголке жизни.

К Григорию Николаевичу приходят многие и чувствуют себя у него тепло и уютно, согретые его тихими рассказами каких-либо китайских, монгольских или других старых сказок и историй. Кроме того, у Григория Николаевича часто происходят литературные чтения, на которых чаще всего выступают местные авторы. Нередко тут же происходит и обмен мнений о прочитанном. <...>

Дедушка Потанин сидел в уголке на диване и лишь изредка делал свои негромкие, но выразительные реплики. Впрочем, изредка ему приходилось вести борьбу с любимцем Марии Георгиевны⁴, молодым поинтером Танкредом, который, от избытка своего щенячьего восторга врываясь в гостиную, хотел

¹ Остяки – прежнее название хантов, народности, живущей по нижнему течению Оби.

² Речь идет о дружеском шарже М.М. Щеглова, впервые опубликованном в «Сибирской жизни» (1913. 15 янв. № 12), в бесплатном иллюстрированном приложении к газете.

³ Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) – ближайший друг и соратник Г.Н. Потанина, один из идеологов сибирского областничества, ученый, журналист, публицист, поэт.

⁴ Васильева-Потанина Мария Георгиевна (1863–1943) – вторая жена Г.Н. Потанина, поэтесса.

во что бы то ни стало всех гостей перецеловать... Григорий Николаевич водворял его административным порядком в кухню, а Всеволод Михайлович Крутовский косился на щенка и ворчал:

– У-у, сокровище!..

Вечер был закончен чтением стихов приветливой хозяйки.

Банкет у Вячеслава Шишкова

Шишков, справляя свои именины, товарищам и друзьям своим пообещал:

– Погодите уж, вот я вас угощу пирогом с Гребенчиковым...

Бывают пироги с осетром, со щукой и с яблоками, а тут в качестве начинки явился ваш покорный слуга.

Собралось человек двадцать пять, в том числе Г. Н. Потанин, В. И. Анучин, поэт и критик Иосиф Иванов, Г. А. Вяткин, В. М. Крутовский, художник М. М. Щеглов, М. Г. Васильева-Потанина, молодой беллетрист Вл. Бахметьев¹ и много других.

Разумеется, под мечами взглядов почтенного собрания я далеко не чувствовал себя на высоте блаженства и после прочтения своей новинки был порядком-таки потрепан. Больше других «ел» меня И. Иванов, но и многие другие взяли себе по порядочной порции; а В. И. Анучин как истый гастроном ел с чувством, с толком и с расстановкою... В общем, оказался я жертвой вечернею на банкете у товарища, который, в конце концов, и сам не постеснялся закатать меня и поесть остатки.

Вторник у Вейнбергов

«Первые числа», славившиеся в прошлых годах у Б. П. и М. Е. Вейнбергов², теперь упразднены. Теперь установлены «вторники», на которые собираются с трех часов, и, начав обед вприкуску с бесчисленными остротами и каламбурами хозяина, гости вовлекаются в оживленный разговор и дружный смех. Нередко устраиваются экстренные конкурсы на заданные хозяином смешные темы, экспромты и шутки; и тот, кто лучше всех рассмешит публику, награждается премией в виде лучшей груши или ананаса, персика или «поцелуя в кредит» какой-либо вспыхнувшей присутствующей дамы.

Но тотчас после обеда гости дружной гурьбой переходят в обширный, массивно обставленный кабинет профессора, и там, в мягких креслах, тонут смех и оживление, и начинается литературный вечер. Чаще всего читает в последнее время Вячеслав Шишков, вообще входящий в Томске в моду.

¹ Анучин Василий Иванович (1875–1941) – этнограф, прозаик, публицист. См. далее в Приложении письма В.Я. Шишкова к нему. Иванов Иосиф – поэт, сотрудник «Сибирской жизни». Вяткин Георгий Андреевич (1885–1941) – поэт, прозаик, сотрудник «Сибирской жизни». Крутовский Всеволод Михайлович (1864–1945) – секретарь редакции газеты «Сибирская жизнь», Бахметьев Владимир Матвеевич – (1885–1963) – писатель, литературный критик.

² Вейнберг Борис Петрович (1871–1942) – физик, профессор Томского Технологического института и Томского университета, М.Е. Вейнберг – его жена.

На этот раз он прочел свою новую повесть из тунгусской жизни «Суд скорый»¹.

Слушая эту повесть, я с необычайным удовольствием убедился, что Вячеслав Шишков, этот скромный и мало заметный еще писатель, способен нежно и любовно взять читательскую душу и унести ее на далекий-далекий север Сибири, как ни один еще из русских писателей, побывавших в холодном изгнании, и показать не только грустные картины тайги и тундр, но и примитивную полудетскую душу обитателя их развернуть перед вами как четко и крупно напечатанную книгу; и во все это вплести красными лентами художественный юмор.

И верите ли вы, любимые друзья мои, как я рад тому, что в лице этого писателя мы приобретаем действительно нужного и полезного изобразителя одной из обширнейших и неведомых окраин нашей страны...

Мне неловко, как близкому товарищу Шишкова, долго останавливаться на достоинствах его творчества, но я знаю, что этого и не нужно будет, когда вещи его чаще будут появляться в печати. Прочитанная новая повесть появится, вероятно, в сборнике «Знание», предоставленном М. Горьким авторам-сибирякам²...

Ну, всего вам хорошего, Георгий Гребенчиков.

Приложение

Письма В. Я. Шишкова (1912–1918)³

Письма писателя – важный источник для изучения его биографии. В них содержатся точные даты, достоверные факты, подробности быта, описаны встречи с людьми. Но, пожалуй, главную ценность и для биографа, и для интересующегося литературой читателя представляет сам автор. В письмах, особенно тех, которые адресованы близким людям, автор искренен, откровенен, он доверяет адресату-собеседнику свои переживания, делится своими мыслями.

Читая искренние, яркие, полные остроумием, словесной «игрой» письма В. Я. Шишкова, мы словно слышим голос самого автора – так просто, кратко и интонационно выразительно он пишет. Правда, сам писатель склонен был недооценивать свой эпистолярный стиль. В письме Г.Н. Потанину от 1 августа 1913 г. он восхищается стилем сибирского дедушки: «Удивительно литературно Вы пишете, красивыми закругленными периодами» – и стыдится своего

¹ Рассказ «Суд скорый» был опубликован в сборнике В.Я. Шишкова «Сибирский сказ» (Пг.: Изд-во «Огни», 1916).

² Речь идет о литературных сборниках, издававшихся при участии М. Горького петербургским книжным издательством «Знание». Публикация «сибирского» сборника «Знания» не состоялась.

³ Полностью подборка писем В.Я. Шишкова П.А. Казанскому и Анучиным опубликована в сб.: Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 195–239.

неумения писать «литературно»: «Вот я так писать не могу, у меня слог чаще на простую беседу смахивает»¹.

В письмах В. Я. Шишкова часто встречаются диалоги: он передает комический разговор в редакции «Сибирской жизни» по поводу публикации рассказа «Оборотень» и свои безответные запросы в редакцию журнала «Солнце России» (письмо П. А. Казанскому от 18 декабря 1912 г.).

Письма пишутся не только для передачи информации – это еще и своеобразная «разминка», «тренировка» пера, требующая выхода творческая энергия. Доброе расположение духа выплескивается на страницы писем в шуточных выражениях, в просторечной лексике: «по какому праву народ на карачках ползет по улице», «опасаюсь, как бы не окриветь на одну ногу», «царапаю помаленьку. Пыхчу над большой повестью, скоро окончу, потом уютжить начну», причем чаще всего юмористически изображается сам автор.

Одна из главных тем писем – забота о «Егорушке», Георгии Дмитриевиче Гребенщикове, стремление защитить его от несправедливых нападков критики, восхищение его талантом, беспокойство о его судьбе на фронте.

Несколько слов необходимо сказать об адресатах В. Я. Шишкова.

Порфирий Алексеевич Казанский (1885–1938) – замечательный и, к сожалению, незаслуженно забытый деятель сибирской журналистики, литературы и образования. Родом из села Керевского Томского округа Томской губернии, учился в Томске сначала в Технологическом институте (1903–1907), затем в университете, в 1911 г. окончил юридический факультет. В годы первой русской революции П. А. Казанский получил известность как поэт-сатирик. В 1912 г. по приглашению Г. Д. Гребенщикова, П. А. Казанский приехал в Барнаул и стал активным сотрудником газеты «Жизнь Алтая»: вел несколько постоянных отделов, печатал лирические стихи и стихотворный «Маленький фельетон», писал обзоры военных действий, во время частых отъездов Г. Д. Гребенщикова успешно выполнял обязанности редактора. По всей видимости, В. Я. Шишков в письмах П. А. Казанскому решал проблемы, связанные с судьбой Г. Д. Гребенщикова и со своими публикациями в «Жизни Алтая».

Еще одна подборка писем адресована Василию Ивановичу (1875–1941) и Софье Фридриховне (1884–1942) Ануциным. В. Я. Шишков и В. И. Ануцин познакомились, скорее всего, в 1911 г. – именно в это время их жизненные пути пересеклись в Томске. Сибиряк В. И. Ануцин окончил в Петербурге Археологический институт, работал в Музее антропологии и этнографии Академии наук, участвовал в этнографических экспедициях в Туруханский край (1905–1909), где изучал язык и быт енисейских остяков. Интерес к коренным народностям Восточной Сибири, возможно, стал одной из причин сближения В. Я. Шишкова

¹ Сибирские огни. 1959. № 2. С. 178. (Письмо цитировалось ранее в разделе «Бия и Чуйский тракт»).

с В. И. Анучиным. О почти родственных отношениях с семьей Анучиных, свидетельствуют обращения к адресатам: «Милые Кум и Кума», «Милый дядя Вася» – и шуточные подписи: «Крепко обнимаю тебя, а куме передние лапки целую», «Ну, до свиданья пока, братия моя возлюбленная».

О весьма неоднозначной личности В. И. Анучина до сих пор не прекращаются споры. В 1930-е гг. он стал автором нескольких фальсификаций: искусно подделал письма, якобы адресованные ему В. И. Лениным, и таким же способом увеличил количество «писем» М. Горького к себе¹

Однако В. Я. Шишков, всегда доброжелательный и расположенный к своим друзьям, доверял чете Анучиных, писал им ласковые, искренние, шуточные письма, и в этом мы видим яркое проявление его симпатичной личности.

Угловыми скобками с многоточиями внутри отмечены пропуски текста.

1. П. А. Казанскому²

29 октября 1912 г.

г. Томск

Дорогой Порфирий Алексеевич, здравствуйте!

Я к Вам с просьбой. Пришлите, ради Господа, десять номеров «Жизни Алтая», № 237, где чудак Георгий Дмитриевич писал о нашем Томске и обо мне. Однако я напишу опровержение: я товарища и не думал «доедать» у себя на «банкете»³. Я просто-напросто воздержался от суждений о прочитанной автором повести «Ханство Батырбека»⁴. А сделал это потому, что вся душа моя находилась во власти его же большущей вещи «Сельская знать», большущей и по объему, и по художественной цельности⁵.

И, сопоставляя в уме ту и другую вещь, конечно, я, отдав должное второй, умолчал о первой.

¹ Тем, кто захочет больше узнать о друге В.Я. Шишкова В.И. Анучине, можно рекомендовать статью К.М. Азадовского «За то я и полюбил вас крепко», или Похождения «чистейшего авантюриста» в журнале «Вопросы литературы» (2006. Май–июнь. С. 222–277; Июль–август. С. 273–309).

² Подлинник: РГАЛИ. Ф. 1082 (П. А. Казанский). Оп. 1. Д. 21. Л. 1–1об.

³ Речь идет о фрагменте очерка «Неделя в Томске» – «Банкет у Вячеслава Шишкова». См. выше, в разделе «Литературная дружба».

⁴ «Ханство Батырбека», одна из лучших повестей Гребенщикова, изображает трагическое столкновение кочевой жизни казахов с натиском цивилизации. Повесть была напечатана в январском и февральском номерах журнала «Современник» в Петербурге. См. ее переиздания: Хрестоматия по литературе Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1996. С. 218–282. Гребенщиков Г.Д. Сибирские повести и рассказы. Бийск, 2007. Кн. 1. С. 101–167.

⁵ М. Горький, в отличие от В.Я. Шишкова, подверг повесть «Сельская знать» резкой критике в письме Г.Д. Гребенщикову от 14/27 марта 1913 г. с о. Капри, и автор отказался от дальнейшей работы над ней.

И только лишь когда уже все ушли, я, разуваясь, сказал Гребенщикову, что «Ханство Батырбека» менее удачно «Сельской знати». А доедать и не думал, да его и не доест: он молодчина!

<...> Напишите мне, пожалуйста, адрес Тачалова¹. Знаю, что в Самаре, старый адрес имею, но думаю, что он куда-нибудь перекочевал со своим магазином.

Мне очень много хорошего о всех Вас рассказал Георгий Дмитриевич.

<...> По отъезде в Питер Гребенщикова я по сие время скучаю о нем: та-кой он славный.

Эх, если ему дать полную возможность развернуться вовсю!

Ну, до свидания, дорогой Порфирий Алексеевич. Желаю всего лучшего.

Ваш Вяч. Шишков. <...>

[Приписка на обороте перевернутого листа]: Готовите ли что для Сборника Сибиряков?²

2. П. А. Казанскому³

18 декабря 1912 г.,
г. Томск

Многоуважаемый Порфирий Алексеевич!

Завтра я пришлю Вам «Оборотня»⁴. С ним произошла маленькая история. Летом, по наущению Анучина, я послал его для «Солнца России»⁵ и просил, если будет принято, – уведомить меня, т. к. знаю, что принятые вещи месяцами валяются в редакционном портфеле. Молчат.

Недели через три прихожу в «Сибирскую Жизнь», на меня набросились:

– Что, вы поместили где «Оборотня»-то?

– Я в «Солнце России» послал...

– Какое «Солнце России»! Во «Всемирной Панораме»⁶.

Я удивился. Сроду и не слыхивал про такой журнал. Оказывается, он тоже издается издательским Товариществом «Копейка», как и «Солнце России».

Я, не будь проstack, запрашиваю редакцию «Солнца России»: «Где мой рассказ? Принят ли, получила ли редакция?» – Молчат. В начале ноября

¹ Тачалов Иван Иванович (1879–1929) – поэт-самоучка, получивший известность в Сибири в 1910-е гг. как лирик и автор сатирической поэмы «Егорка». См. переиздание: Хрестоматия по литературе Алтая. Барнаул, 1996. Ч. 1. С. 137–162.

² «Сборник сибиряков» – по предложению М. Горького петербургское издательство «Знание» намеревалось издать «Сибирский сборник» из произведений авторов-сибиряков. Издание сборника не состоялось.

³ Подлинник: РГАЛИ. Ф. 1082 (П.А. Казанский). Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

⁴ Рассказ «Оборотень» был опубликован в газете «Жизнь Алтая» 1 января (№ 1) 1913 г.

⁵ «Солнце России» – литературно-художественный и юмористический еженедельный журнал, издавался в Петербурге в 1910–1916 гг.

⁶ «Всемирная панорама» – еженедельный журнал, издавался в Петербурге в 1909–1916 гг.

**В. Шишков – ученик
Вышневолоцкого училища,
1891 г.**

**В. Я. Шишков и К. М. Шишков;
г. Пушкин, 1937 г.**

В. Я. Шишков с матерью и сестрой Екатериной, 1900 г.

Обложки
книг
В. Я. Шишкова

Страница рукописи
романа В. Я. Шишкова
«Угрюм-река»

Стойбище бродячего тунца Василия. В. Я. Шишков в центре

В. Я. Шишков со своей изыскательской группой на Алтае

**В. Я. Шишков в с. Онгудай на Алтае
во время экспедиции по обследованию Чуйского тракта, 1914 г.**

**В. Я. Шишков
среди участников
экспедиции на Алтае,
1910 г.**

опять: «Получила ли редакция мой рассказ? Отвечайте». Назначил срок: «Ежели до такого-то числа ответа не будет, буду считать рассказ не принятым и pošлю его куда-нибудь в печать». На письме написал: «Копия». Заказным отправил. Молчат. Срок давно прошел. Поэтому Вы вправе напечатать без всякой ссылки на перепечатку.

В своем письме Вы возмущаетесь «Утром Сибири»¹. Да. Она еще раз обругала Георгия Дмитриевича и Потанина.

<...> Статья Неждальца не что иное как набитый сеном мешок, которым он хватил по голове Гребенщикова, воображая, что его череп вдребезги разлетится². А со стороны только смешно. <...>

Крепко жму Вашу руку. Вяч. Шишков.

В «Алтайский альманах» у меня предположен рассказ «По таежным заимкам»³.

С Нового года наверно удеру в отпуск, в Россию, месяца на три.

В. Ш.

З. П. А. Казанскому⁴
[открытка]

17 ноября 1913 г.,
Томск, Акимовская, 12

Милый Порфирий Алексеевич!

О нашем сборнике нет от Горького ни слуху ни духу⁵. Либо болен, либо еще не справился с материалом. <...> Дедушка Потанин здоров и бодр⁶. Я царапаю по-маленьку. Пыхчу над большой повестью, скоро окончу, потом утожить начну⁷ <...> Ваш Вяч. Шишков.

¹ «Утро Сибири» – томская ежедневная газета (1911–1919), редактор В.Е. Воложанин.

² Неждалец – псевдоним автора фельетона «Хождение Георгия Гребенщикова за три моря», напечатанного в газете «Утро Сибири» 1 ноября (№ 241) 1912 г. В фельетоне Г.Д. Гребенщиков назван «тщеславным, наивным и себялюбивым писателем» и обвинен в том, что своих «знаменитых» друзей (например, Вяч. Шишкова) он выставил «если не к позорному, то, во всяком случае, смешному столбу».

³ «Алтайский альманах» – сборник прозы и стихов писателей Алтая. Организатором и редактором выступил Г.Д. Гребенщиков. Издан в 1914 г. в Петербурге. Рассказ Шишкова в альманахе получил другое название – «На Бии».

⁴ Подлинник: РГАЛИ. Ф. 1082 (П.А. Казанский). Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

⁵ Речь идет о «Сибирском сборнике».

⁶ Речь идет о Григории Николаевиче Потанине, в 1913 г. он работал над «Воспоминаниями», которые публиковались в газете «Сибирская жизнь». Эти воспоминания можно прочитать в книге: Литературное наследство Сибири. Т. VI. Новосибирск, 1983; Т. VII. Новосибирск, 1986.

⁷ Большая повесть – «Тайга». Первое название («Таежная жуть») при публикации в журнале «Летопись» (1916. № 7–11) было изменено на «Тайга». Отрывки повести публиковались в «Сибирской жизни» 25 декабря (№ 281) 1914 г.

30 ноября 1914 г.
г. Томск

Милый Порфирий Алексеевич!

К Рождеству что-нибудь пришло². Но не более как «малюсенькое» – решительно нет времени. Впрочем, все одно придется в декабре оторваться от большой своей повести: придется писать кой-куда.

О выставке тоже что-нибудь напишу или упрошу кого-нибудь, только не дедушку³. Дедушка сказал после обозрения небольшой сейчасной выставки: «Мое хождение по выставкам бесцельно: ничего не вижу».

О нашем сборнике ничего не слышно⁴. <...>

Просьба к Вам. «Заветы»⁵ просили меня посодействовать бесплатному помещению в знакомых мне сибирских газетах их объявления. Вот и я прошу Вас: поместите, пожалуйста.

Очень хорошее письмо получил из «Заветов», самое ласковое. Извиняются, что не могли до сих пор пустить «Суд скорый»⁶ – длинные вещи отодвигали очередной материал. В декабре, январе или феврале поместят. Я просил вернуть мне этот рассказ <...> – на это ответили: «Рассказ Ваш нам очень нравится, и у нас абсолютно нет желания его возвращать».

Ну, пока до свидания. Расхвастался.

Ваш Вяч. Шишков.

¹ Подлинник: РГАЛИ. Ф. 1082 (П.А. Казанский). Оп. 1. Д. 21. Л. 6–6об.

² В номерах газет, выходивших накануне Рождества и Пасхи, как правило, выпускались одна-две литературных полосы: стихотворения и рассказы, посвященные празднику. В рождественском номере «Жизни Алтая» за 1914 г. рассказ В. Я. Шишкова не появился.

³ «Дедушка» – Г.Н. Потанин. В конце декабря 1914 г. в Томске открывалась VII периодическая выставка картин Томского Общества любителей художеств. Статью о выставке «О том, чего недостает (По поводу последней художественной выставки в Томске)» написал Г.Д. Гребенщиков, она была опубликована в «Сибирской жизни» 18 января (№ 11) 1915 г., а 22 января (№ 17) 1915 г. перепечатана в «Жизни Алтая»

⁴ Речь идет о «Сибирском сборнике».

⁵ «Заветы» – ежемесячный литературно-политический журнал, издавался в Петербурге с апреля 1912 г. по июль 1914 г. По традиции провинциальные газеты публиковали объявления о выходе в свет очередных номеров столичных журналов, сообщая потенциальным подписчикам о публикациях литературных новинок.

⁶ «Суд скорый (Рассказ из тунгусской жизни)» Шишкова был напечатан в февральском и мартовском номерах журнала «Заветы» в 1914 г.

1. В. И. и С. Ф. Анучиным¹

13 июня 1913 г.

Милый Кум и Кума, Василий Иванович и Софья Фридриховна. Здорово живете.

Кум! С «Сельской знатью» скандал. Скандалит Вяткин Г. А. Он вернул «Сельскую знать» Гребенщикову не для переделки, как я говорил в «Сибирской жизни» при тебе (телеграмма Гребенщикова гласила: «Захвати "Сельскую знать" для переделки»), а забраковал ее окончательно именем Комитета².

Гребенщиков лезет на стену, обрушившись на меня. А я тут решительно ни при чем. Я всегда стоял и стою за принятие в сборник «Сельской знати» при условии некоторой ее переделки. Чтоб выйти из нелепого, повисшего над моей головой обстоятельства, я телеграфировал Вяткину, что если не будет в сборнике вещи Гребенщикова, я в сборнике участвовать отказываюсь. На самом деле, что за оказия: лучший сибирский писатель – Гребенщиков – остается за бортом, быть может, потому, что у него личные счеты с Вяткиным³. <...>

Прошу тебя, очень прошу встать на защиту Гребенщикова. Разве так можно обижать людей. Вяткин (и хватило же бестактности) отказ написал на открытом отрезном купоне сопроводительного адреса.

Я уже второй раз еду к Кош-Агачу⁴. Первый раз проехал тракт Бийск – Кош-Агач – Бийск с 15 по 31 мая. <...>

У меня дел по горло. Одна партия от Бийска уже работает, другая только еще идет с обозом в Кош-Агач.

Впечатлений много, но нет ни минуты свободной, чтоб писать в газету. Проклятая служба и нервы берет и время.

Если кто вздумает написать – пиши: г. Бийск, начальнику пристани Ф. С. Смирнову для передачи мне. Он перешлет. Напиши мне, пожалуйста, о сборнике. Как это все глупо вышло. Вяткин еще, видимо, как гражданин не созрел, если не может отделить личных интересов от общественных.

Крепко обнимаю тебя, а куме передние лапки целую.

Любящий Вас Вяч. Шишков.

¹ Подлинник: РГАЛИ. Ф. 14 (В. И. Анучин). Д. 35. Л. 1–2.

² Вяткин Георгий Андреевич (1885–1941) – поэт, прозаик, сотрудник «Сибирской жизни». Наряду с В.И. Анучиным и В.Я. Шишковым, входил в состав редакционного комитета по подготовке «Сибирского сборника» для издательства «Знание».

³ Взаимоотношения Г.А. Вяткина и Г.Д. Гребенщикова не были лишены литературного соперничества. Г.Д. Гребенщиков осудил Г.А. Вяткина за частые публикации стихов в столичных изданиях в ущерб сибирским – в рецензии на сборник «Под северным солнцем» (Жизнь Алтая. 1912. 15 июля (№ 157)). Г.А. Вяткин, в свою очередь, выступил с недоброжелательными рецензиями на первый том сборника Г.Д. Гребенщикова «В просторах Сибири»: в газете «Голос Алтая» (1913. 13 мая. (№ 100)) и петербургской газете «Речь» (1913. 14 окт. (№ 281)).

⁴ Весной и летом 1913 г. Шишков являлся начальником изыскательской партии по исследованию Чуйского тракта, проходившего через Горный Алтай. Кош-Агач – село, расположенное по пути следования Чуйского тракта, в нескольких десятках километров от границы с Монголией.

2. С. Ф. и В. И. Анучины¹

Онгудай, село,
10 сентября 1913 г.

Милая Кума моя Софья Фридриховна!

С Ангелом, с Ангелом! Целую Вашу руку, я бы и сахарные уста поцеловал, да боюсь кума, он очень здоровый, может позвонки обломать или прочую неприятность сделать, вроде перекося в личности. Скоро в Томск приеду, числа 20-го, 25-го Сентября.

Милый кум Василий Иванович! С именинницей тебя, а также прошу отправить прилагаемое письмо по правильному адресу, мне неизвестному.

Твою статью хорошую читаю о нуждах Сибири². Писать много не буду, скоро встретимся.

Работы первой группы закончились 7 сентября, вторая закончит 11 сентября. Сижу с техником в Онгудае, жду вторую группу. В Бийске аукцион будем устраивать лошадей (8 штук) да таратайки продавать. В Барнаул заеду, к Егорушке³, в Ново-Николаевск к Бахметьеву⁴.

Нога моя нешуточно болит. Опасаюсь, как бы не окриветь на одну ногу.

Ну, до свиданья пока, братия моя возлюбленная.

Ваш Вяч. Шишков.

3. В. И. Анучину⁵

19 декабря 1915 г.

Милый дядя Вася!

Ты мне на письма не отвечаешь, а пишешь только Егорушке, меня же забыл окончательно, несмотря на то, что я твой начальник и могу убавить жалованье⁶.

Несмотря на сие, поздравляю тебя с праздниками.

У нас в Министерстве великая неразбериха⁷. Деньги Чуйские⁸ неизрасходованными (около 8 тысяч) должны быть возвращены в казну, т. к. срок кредита

¹ Подлинник: РГАЛИ. Ф. РГАЛИ. Ф. 14 (В. И. Анучин). Д. 35. Л. 3.

² Статья Анучина о нуждах Сибири нами не обнаружена.

³ Егорушка – Г. Д. Гребенщиков.

⁴ Бахметьев Владимир Матвеевич (1885–1963) – писатель, литературный критик. Уроженец Воронежской губернии, был сослан в 1908 г. в Барнаул за участие в революционной деятельности, затем жил в Новониколаевске и Томске, сотрудничал в сибирских изданиях. Автор книги «Вячеслав Шишков», вышедшей в свет в 1947 г.

⁵ Подлинник: РГАЛИ. Ф. 14 (В.И. Анучин). Д. 35. Л. 5–5об.

⁶ В.И. Анучин служил техником в дорожно-строительном отряде, В.Я. Шишков являлся начальником изыскательской партии по исследованию Чуйского тракта.

⁷ В августе 1915 г. В.Я. Шишкова перевели в Петербург, в управление шоссеинных дорог Министерства путей сообщения, для составления проекта переустройства Чуйского тракта.

⁸ Деньги Чуйские – государственные ассигнования (15 тыс. рублей) на изыскательские работы для проведения Чуйского тракта, соединившего Алтай с Монголией.

кончается, а новых вряд ли ассигнуют. Хотя, кажется, выдумают кунштюк¹, по которому спасут погибающий Чуйский кредит, записав меня кредитором казны. <...> Если проект будут разрабатывать (еще не приступали), то задержусь здесь на 8 месяцев, т. е. до осени. Телеграмма о моем переводе послана без моего ведома, когда же я пошел объясняться к управляющему шоссеиным отделением Гешореру, он сказал, что это сделано по приказу начальника Управления и что они не обязаны докладывать мне о своих действиях. <...>

В общем, чувствую себя великолепно, «окромя» здоровья – своего и милой? Оперы – изумительны. «Град Китеж» в Марииинском театре³ – сплошное очарование, во сне не снилось такого чуда.

Книжку мою печатают в «Огнях», вместе с Егорушкиными двумя⁴. Называться будет «Сибирский сказ», книжка небольшая, выйдет далеко не все, выйдет в январе или марте, а к Пасхе, может быть, издам другую. Работаю, по возможности, усиленно. Скоро начну пристраивать. В Рождественском номере «Солнца России» будет мой рассказ «Золотая беда»⁵, вошедший в сборник. <...>

Пока до свидания, милый дядя. Любящий тебя Вяч. Шишков.

Может, приеду в январе. Может, в октябре 1917 года. Напиши о служебных своих планах. Числящиеся за мною технические отчеты составлю по возвращении или придется потребовать из Управления копии денежных документов. Об этих отчетах я уже получил запрос.

[Приписка на перевернутом первом листе письма]: На Рождество уезжаю в Бежецк.

4. С. Ф. Анучиной⁶

21 декабря 1915 г.

Милая Софья Фридриховна!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова, целую Вам руку!

<...> Как Вы поживаете, что подельваете, отморозили ли хоть единственный раз свой нос? У нас были большущие, прямо-таки полярные холода: на взморье

¹ Кунштюк (нем. Kunststück) – проделка, ловкая штука, фокус.

² Милая – жена В. Я. Шишкова, известная переводчица Ксения Михайловна Жихарева (1873–1953).

³ «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» – опера в 4 действиях, шести картинах Н.А. Римского-Корсакова (1844–1908), либретто написано В.И. Бельским в 1902–1904 гг. по мотивам древнерусских сказаний. Впервые поставлена в Марииинском театре в 1907 г.

⁴ «Огни» – кооперативное книгоиздательство в Петербурге. Сборник В.Я. Шишкова «Сибирский сказ. Повести и рассказы» вышел в свет в начале 1916 г. тиражом 2600 экз. Сборники Г.Д. Гребенщикова – «Змей Горыныч» (1916) и «Степь да небо» (1917).

⁵ В журнале «Солнце России» рассказ «Золотая беда» не появился. Был опубликован в литературно-художественном альманахе «Шиповник» (кн. 26) в 1917 г.

⁶ Подлинник: РГАПИ. Ф. 14 (В.И. Анучин). Д. 35. Л. 6–6об.

доходили, говорят, до 33°, у нас тоже 28–30°. В квартире было холодновато, по утрам 10°, для меня-то жарко, а Ксеничка тряслась и проклинала правительство. Вот он, Питер-то: вчера сколько трупов охоченельх подобрал (факт), а сегодня поглядел в окно: народ на четвереньках мимо нашей квартиры ползет, по какому праву, думаю. Кликнул прислугу: «Эй, Ксюша, справьтесь у старшей дворничихи, по какому праву народ на карачках ползет по улице». Оказывается, страшная оттепель. Заглянул на градусник, что за окном, – оттепель, +2°. Пошел кофе пить и Ксеничке бутерброды на завтрак в Продуголь¹ делать. Работает она адски. И переводы некогда переводить. Устает страшно, другой раз придет и от усталости к обеду не притронется.

На днях видел Великого Шаляпина, живого, настоящего, близко. Во «Вражьей Силе» пел он кузнеца Еремку². В этот вечер его чествовали по поводу 25-летия сценической деятельности. Слышал его милый голос в ответной речи. Ах, зачем я не Антон Сорокин: я бы так красочно, мастерски описал Вам все пережитое мною в этот редчайший, незабываемый вечер³.

Поцелуйте своих милых Конду и Игоря, а также дядю Васю, которого чите и бойтесь.

Ах, и хорошо же на свете жить.

Ваш Вяч. Шишков.

5. В. И. Анучину⁴

12 февраля 1916 г.

Дорогой дядя Вася.

Твоя сказка напечатана в одном из детских журналов⁵. <...>

Егорушка уехал⁶. Ну и способный же парнюга. Написал первую часть романа «Чураевы» – хорошая вещь⁷.

¹ Продуголь («Общество торговли минеральным топливом Донецкого бассейна») – франко-бельгийская акционерная компания (1906–1915).

² «Вражья сила» – опера в 5 действиях А.Н. Серова (1820–1871). В основе либретто – драма А.Н. Островского «Не так живи, как хочется». Первое представление состоялось в Мариинском театре 19 апреля 1871 г.

³ Сорокин Антон Семенович (1884–1928) – сибирский писатель, получивший известность не только своими произведениями (монодрама «Золото», повесть «Хохот желтого дьявола»), но и эксцентрическими поступками, снижавшими ему «славу» озорника и скандалиста.

⁴ Подлинник: РГАЛИ. Ф. 14 (В.И. Анучин). Д. 35. Л. 8–8об.

⁵ В.И. Анучин являлся автором произведений для детей, основанных на сибирском фольклоре.

⁶ Г.Д. Гребенчиков уехал из Петрограда, где проживал с начала ноября 1915 г., в Москву, а оттуда в действующую армию – как старший санитар при одном из сибирских отрядов и корреспондент газет «Русские ведомости» и «День».

⁷ «Чураевы» – роман-эпопея Г.Д. Гребенчикова, над которым он работал вплоть до 1952 г.

Я перед ним такая маленькая шавка, что ужаси. Сначала мне тоже все хотелось написать что-нибудь покрепче, по мере сил не отставать от Егорушки намного-то, а теперь вижу – нет, мало каши ел. Сижу, ем кашу и думаю, что выше лба не прыгнешь. Да и нет возможности писать: служба отнимает много времени.

Егорушка же человек вольный.

Я с июня написал здесь листов 7–8, а он в две недели накатал 4 листа, будьте так добры¹ <...>

Ну, будь здоров. Поклон Софье Фридриховне.

Твой Вяч. Шишков.

б. С. Ф. и В. И. Анучиным²

25 марта 1917 г.,

Санкт-Петербург, Колпинская, 14

Здравствуйте, дорогие друзья мои,
милая Софья Фридриховна и милый дядя Вася!

Хочется Вас обнять и расцеловать по-настоящему. С Праздником Вас Светлым поздравляю, с воскресшей Русью. Ни календари, ни волхвы, ни звезды не могли предсказать, что так блистательно произойдет переворот. О том радостном чувстве, которым был охвачен каждый из нас, вся Русь, весь мир, – нечего говорить. Внезапность переворота ошеломила всех, даже нас, может быть, более, чем их. Сделано чисто: одним ударом все шары загнаны в лузы, маркер гениален, кий прям, рука тверда. Но... конечно, на будущее нельзя закрывать народу свои очи. Россия – страна всяческих неожиданностей, и в грядущем могут быть немилости. Возврата к старому, известное дело, быть не может, но «анархия», а вместе с ней и какой-нибудь «помазанник» будут кошмаром стоять за плечами свободы, пока немецкие газы, пушки, чемоданы и вся их адская техника не провалится «в преисподняя земли». Враг дьявольски силен. Психология разбитых полчищ может быть ужасна не столько внутри, сколько вне их, отзвуками, кривотолками, нелепыми сказками в тылу, по деревням. Да если к этому пристегнуть голод или недоедание, да насильное отнятие земли, да 8-часовой рабочий день, то положение вещей может оказаться рискованным. Картина мрачная и взята нарочно в почти маловероятных комбинациях, но надо быть ко всему готовым именно теперь, надо иметь крепкую организацию на местах с людьми влиятельными, сильными духом, прямо скажу, вождями, чтоб предотвратить могущее. Несмотря на вышереченное, я все-таки желаю быть оптимистом, а опасения мои явно утопичны и похожи на психологию человека, выигравшего 200 тысяч и возвращающегося закоулками в ночное время с грудой ценностей.

¹ Речь идет о так называемых печатных листах, один печатный лист – около 20 рукописных или напечатанных на пишущей машинке листов современного формата А4.

² Подлинник: РГАЛИ. Ф. 14 (В.И. Анучин). Д. 35. Л. 9–9об.

Организованность общества в Питере поразительная, даже в каждом доме выбран староста для внутреннего распорядка, для сношения с следующей, более крупной общественной ячейкой. В каждом доме организована милиция по охране квартирантов в ночные часы из самих же квартирохозяев, и твой покорный слуга уже два раза окарауливал дом от 12 до 2-х и от 2 до 4 ночи. (Теперь наняли двух милиционеров, и наши дежурства заменились денежной повинностью). На путях в самом Питере стоит больше миллиона пудов муки, а хвосты в городе за хлебом длинней, чем прежде. Народишка (собственно бабы и барыни) ропщет: «Раньше было хорошо, теперь еще лучше!» Хлеб стоит не разгруженным потому, что 22 и 23 марта не все грузчики вышли на работы и работали по 8 часов, а сегодня и завтра праздники. 24-го же не успели развезти хлеб по пекарням, и в 4 часа вечера, где застал их сей благодатный час, они остановили лошадей и готовы были вывалить мешки на улицу. Еле умолили их довести до пекарей, и то не всех. Кто остался неумолим, перерубили гужи у добросовестных. Вот как понимают они настоящий момент. Сегодня муку развозили на автомобилях солдатики. Но, кажется, и это скоро будет окончательно налажено¹.

1 марта завтракал я у Максима Горького². Из его квартиры открывается чудесный вид на Александровский парк, часть Каменноостровского. Он подошел к окну, поглядел вниз, в стороны на кучки восставшего, куда-то спешащего народа, на боевые автомобили, на солдат с красными лоскутками у штыков, и из глаз его покатались слезы. Я обнял его: «Что вы, Алексей Максимович?» – «Не могу... трогает это меня... трогает...». Великой души человек, очень много работает. Поздравляю тебя, дорогой дядя Василий, с избранием на почетный, ответственный пост в Комитете³. Наконец-то ты попал в свою стихию. Счастлив за тебя, за дедушку Потанина, за благополучие Томска, за предстоящую новую историю Сибири. Кланяюсь низко всем Вам, правителям народным, с жадностью читаю «Сибирскую жизнь». Ксения Михайловна хворает. Кланяется, поздравляет. Крепко целую. Любящий Вас, Вяч. Шишков.

¹ Фрагмент, начинающийся словами «Организованность общества в Питере...», отсутствует в первой публикации письма: Шишков В.Я. Неизданные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма. Л., 1956. С. 252–253.

² М. Горький в это время снимал квартиру на Кронвержском проспекте, дом 23. Шишков пишет об этом посещении М. Горького в воспоминаниях о нем – «Встречи». См.: Шишков В.Я. Пейтус-озеро: роман. Повести. Рассказы. Воспоминания. Автобиография / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н.Н. Яновский. М., 1985. С. 508–509.

³ В.И. Анучин, член партии эсеров, был избран председателем Временного комитета общественного порядка и безопасности в Томске.

20 марта 1918 г.,
Петроград

Милый мой дядя Вася!

Подательницу сего, Капочку, угости чаем с булкой, так как она, по окончании высшего образования, у нас, на петербургских соломенных хлебах, изрядно отошала, как и все мы, обреченные.

Оную естественницу обласкай, ибо она сего зело заслуживает².

Живем мы пока еще без немцев, но уже чувствуем его сапог, подкованный крепкими гвоздями из нашей глупости.

Здесь имеется Союз Сибиряков-областников (Невский, 60)³.<...>

Затевают наши сибирячки популярный сборник для широкого круга читателей. Одна половина – художественно-литературная, другая научно-образовательная. Хорошо, если б у тебя нашлась добрая статья для второго отдела, хотя бы о шаманстве (около листа) или какая-либо легенда сибирская – для первого⁴.

Если есть – экстренно шли, заплатим хорошо, по-честному.

Наше Управление эвакуировали в Ярославль, я не поехал, рассчитался, а на другой день получил приглашение на новую службу, опять, дурак, надел хомут. Но, думаю, протерплю не более месяца, потому что приглашают в разные газеты. Я пишу, и если б не окаянная служба, смело можно было бы зарабатывать не меньше 1000 в месяц, хотя и при службе приходится подгонять к этой цифре. Из крупных рассказов закончил три: «Царство небесное» – пойдет у Миролюбова, «Крокодил» и «Пурга», никому еще не отдал⁵.

«Пургу» Капочка слышала.

Ожидаю выхода «Тайги»⁶. Пришлю.

¹ Подлинник: РГАЛИ. Ф. 14 (В.И. Анучин). Д. 35. Л. 12–12об.

² Капочка – Капитолина Васильевна Юганова, жена поэта Г.А. Вяткина, изучала ботанику на Высших женских естественных курсах в Петербурге, занималась музыкой, собирала монгольский фольклор.

³ Союз сибиряков-областников – создан проживавшими в Петрограде сибиряками 5 марта 1917 г. Председатель – И.А. Молодцов, товарищ председателя – И.А. Михайлов. Союз издавал газету «Вольная Сибирь» (1917–1918), в которой В.Я. Шишков публиковал свои рассказы и очерки.

⁴ В.И. Анучин в 1905–1909 гг. участвовал в этнографических экспедициях в Туруханском крае, в 1910-е гг. выступал в сибирских городах с лекциями «О шаманизме у енисейцев в Туруханском крае».

⁵ О рассказе «Царство небесное» сведений не найдено. В.С. Миролюбов (1860–1939) – известный литератор, издатель журналов, после 1917 г. – сотрудник Центрального кооперативного издательства, редактор журнала «Артельное дело», В.Я. Шишков состоял с ним в дружеских отношениях, сохранились его письма к В.С. Миролюбову. Рассказ «Крокодил» впервые опубликован в сборнике В.Я. Шишкова «Взлеты» (М., 1925), рассказ «Пурга» – в журнале «Новый мир» (1927. № 2, № 3).

⁶ Повесть «Тайга» вышла в свет в 1918 г. в Петрограде в издательстве «Парус».

Спасибо за мудрую твою книжку «Твори радость»¹. Передал Горькому.

О Егорушке ничего не слышим давненько. Не в Сибири ли он?²

Кланяется тебе Ксения Михайловна, и оба мы кланяемся Софье Фридриховне. Встречаешься ли с Бахметьичем? С дорогим, светлым Григорием Николаевичем? Ради Бога, зачем его путают в политику?³ Зачем трепать и распинать доброе его имя?

Целую тебя. Вяч. Шишков. Пиши.

Л. А. Юровская

Повесть В. Я. Шишкова «Страшный кам»

Впервые история, положенная в основу повести «Страшный кам», была изложена В. Я. Шишковым в очерковом цикле «По Чуйскому тракту» (1913). В одноименном очерке историю об избиении в Муюте толпой православных фанатиков насильно крещеного алтайца рассказывает путнику ямщик. Шаман предрекает своим мучителям несчастья, и они впоследствии сбываются. Кам остается в живых и продолжает камлать: «Ему нельзя без этого. Его тогда шайтаны задушат. <...> Этот кам самый настоящий, страшный. Его весь Алтай боится. А зла никому не делает»⁴.

В. Я. Шишков, наделенный тонким пониманием фольклора, придает рассказу ямщика черты былички – жанра сказочной прозы в русском фольклоре. Быличка – рассказ о встрече человека «с нечистой силой». При этом сверхъестественное событие в быличке изображается как достоверное, оно происходит в реальном времени и пространстве.

В результате творческого переосмысления короткий рассказ ямщика превратился у В. Я. Шишкова в объемное повествование, вначале озаглавленный как «Повесть шаманья, алтайская». Окончательное название – «Страшный кам» – повесть получила в 1923 г.⁵

¹ Книга Анучина «Твори радость. Моя религия» вышла в свет в Томске в 1918 г.

² Г. Д. Гребенчиков в это время находился в Киеве, занимаясь ликвидацией дел Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам, в который он входил как уполномоченный XI армии Юго-Западного фронта.

³ В декабре 1917 г. на Чрезвычайном общесибирском областном съезде в Томске было заявлено о непризнании большевистского правительства, а также был избран Временный Сибирский областной Совет (правительство Сибири) во главе с Г. Н. Потаниным.

⁴ Шишков В. Я. Чуйские были: роман. Очерки. Рассказы. Барнаул, 1986. С. 153.

⁵ Повесть впервые была опубликована в коллективном сборнике: Московский альманах. М., 1923. Кн. I. С. 45–209.

Фольклорная основа этого произведения определила сказовую манеру повествования.

Сказ – это стилизация под устный, произнесенный монолог персонажа-рассказчика, который обладает ярко выраженным простонародным характером. Форма сказа предполагает, помимо рассказчика, наличие сочувственно настроенных слушателей, причем персонаж непосредственно связан с ними¹. Именно такой персонаж и выведен в повести: он уроженец здешних мест, что подтверждается южно-сибирским речевым колоритом «живой» разговорной интонации. Рассказ передает не только его индивидуальные особенности речи, но и речевую стихию всей многоликой изображаемой среды. Через его, рассказчика, восприятие и даны происходящие в повести события.

В основе сюжета – трагическая история кама Чалбака, насильственно обращенного в христианскую веру и нареченного Павлом. Приняв новую веру, Чалбак не может расстаться и со старой: «Там Павел; здесь Чалбак; там Чалбак, здесь Павел – оба вместе, оба-два, не рассечь.<...> А душа одна»². Его природное мифологическое мышление, традиционное для коренного населения Горного Алтая, плохо соотносится с православными церковными догмами. Выросший в языческой среде, он знает древние способы врачевания, владеет провидческим даром предсказания. Со всех сторон к нему стекаются люди с мольбой о помощи.

Двоебожие – предмет душевных страданий кама. «Умное безбородое лицо его грустно. Черные глаза потухли. Печаль в глазах. И душа его одинокая. Вся в печали, вся в недоумении. «Два бога – Иисус бог, Ульгень бог...»³ (с. 192–193). Чалбак наивно не видит разницы между ними, как и между Дьяволом и злым богом Эрликом⁴. Для него и поп Василий такой же кам, «...вот ужо штукой с огнем, с дымом махать станет, вот ужо орать будет во всю глотку, бородой трясти: «Вонми да вонми, аминь, аминь» (с. 190).

Чалбак болезненно ощущает свое одиночество среди людей, но, продолжая камлать, он обретает языческое родство с природой, которая существует с ним в едином биоритме и оттеняет мистическую суть шаманского обряда.

По сути, Чалбаку приходится одному повторить путь, столетия назад уже пройденный русским народом. Язычество древних славян воспринималось христианами священниками как чуждое и жестоко уничтожалось церковными и светскими властями. Язычество долго сопротивлялось христианству, и

¹ См.: Виноградов В.В. Проблемы сказа в стилистике // Поэтика. Л., 1926. С. 28 ; Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. Л. 1959. С. 174 , Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972. С. 35.

² Шишков В.Я. Страшный кам: повесть. Роман. Рассказы. Очерки. Иркутск, 1985. С. 200. Далее страницы этого издания указываются в тексте статьи в круглых скобках.

³ Ульгень – Великий Дух, создатель мира.

⁴ Эрлик – Дух зла, властитель преисподней.

в конце концов христианство было вынуждено пойти на компромисс с язычеством. Языческое сосуществование слилось с христианством в единое мировоззрение, называемое двоеверием. Церковные «святцы» легко ужились с приметами языческого календаря. Имена святых получили бытовое осмысление, связанное с сельскохозяйственными работами и природными наблюдениями. Так, например, когда начиналась подготовка крестьян к весне, о дне святых Симеона-Богоприимца и Анны-пророчицы 16 февраля (3 февраля по ст. ст.) говорили: «Семен с Анной сбрую починают». День святого Василия Исповедника, приходящийся на 28 февраля, превратился в Василия Капельника (13 марта по ст. ст.). На день Ильи-Пророка, отмечающийся по новому стилю 3 августа, были перенесены все атрибуты и значения древнего бога Перуна (20 июля по ст. ст.).

Таким образом, изначальное народное мирозерцание, языческая этика растворились в христианстве, создав уникальный сплав – Русское Православие. На это ушло тысячелетие. Чалбаку же срок отмерен значительно меньший: он крещен три года назад. Поэтому он не может так быстро избавиться от своего некрещеного прошлого. Потребность камлать, вступать в общение с божествами добра и зла, Ульгемем и Эрликом, выше его сознания, она дана ему от природы. Причем сам Чалбак сознает свой грех перед Иисусом и сам же готов за него ответить: «Да, я грешный... Верно. Сам грешу, сам отвечу Богу. Не приказывай бить меня, – умоляет он строгого священника отца Василия. – Отпусти в горы» (с. 214).

Действие повести начинается летом, летом и заканчивается. Оно своеобразно окольцовано сходными между собой зачином и концовкой: «Бубен ходит по горам. Невидимый, звучный, весь в бубенцах. Ночным гуком, ночным звоном, словно лешевым горохом, бьет, бьет, бьет – ходит по горам... бум-бум-тра-а-та!... Дзын!... Рррр... рррах!» (с. 187). Суеверный рассказчик воспроизводит звуки шаманского бубна как демонического существа. Этот живой, гулкий грохот заполняет все художественное пространство повести, он звучит в ушах совершивших убийство шамана односельчан даже тогда, когда тело Чалбака сброшено с речного обрыва. По ночам в селе Глызети «то собаки воют, то в горах невидимый бубен бьет» (с. 217).

Во многих отдаленных друг от друга местах: селах Глызети и Волчихе, селении Анनावар, у горных речек Анчибал и Погремушки – звук бубна воспринимается по-разному: он раздражает учителя Ивана Петровича, обнадеживает тех, кто ждет от кама исцеления, заинтересовывает пастушонка Ерему, суеверным страхом будоражит братьев Брюхановых, главных палачей кама. Наибольшее озлобление шаманский бубен вызывает у «благочестивого» отца Василия. Душевный разлад кама Чалбака, его психологическая надломленность мало интересуют священника, как и учителя, большого любителя «духовно-нравственных книг». Поэтому на Николу Вешнего, отмечаемого 22 мая (5 мая по ст. ст.), отец Василий с амвона объявляет новокрещенного раба божия Павла служителем дьявола: «Наш брат во Христе раб божий Павел

с Дьяволом якшается. Был он кам Чалбак, камом и остался». В молитве, обращенной к Николаю Чудотворцу, священник просит «укрепить» его «десницу», дабы покарать нечестивца. Интересно, что в молитве наблюдается смещение акцента. В трактовке попа св. Николай предстает прежде всего «ревнителем истинной веры и благочестия», а не как «угодник преизрядный Господень, теплый <...> заступник и всегда в скорбях скорый помощник», «защитник невинно обижаемых», – именно так пишут о св. Николае в церковных книгах, так говорит о нем народная молва.

Кульминация повести, роковые события жестокой расправы над камом и последствия этой расправы, вписаны в замкнутый годовой цикл – от Ильина дня до Ильина дня. Оно и понятно: именно Илья Пророк-громовник в народном сознании является «суровым и гневным» судьей по отношению к «вольнотумцам и козунникам». Ночь «под Илью-пророка» ознаменована жуткой грозой, предвестием грядущих потрясений: «Из-за подпрыгнувших в страхе гор взвился ослепительный бич и надвое рассек дрогнувшее небо» (с. 197).

А в следующую ночь происходит зверское избивание Чалбака, несмотря на его мольбы, обращенные к попу Василию: «Как брошу камлание?.. Сам не рад. Тяжело мне, батюшка. Пожалеть надо...» (с. 213), на плач пастушонка Еремы и просьбы инородцев, страдающих вместе с камом: «Отпустите... Больно ведь... Человек ведь он... Грех!» (с. 215).

В. Я. Шишков беспощаден в описании косной, страшной в своем гневе толпы, подстрекаемой отцом Василием. И так же, как почти две тысячи лет тому назад в Священной истории, проходит свою голгофу новообращенный в христианство раб божий Павел – кам Чалбак.

Именно так воспринимает сцену казни старушонка Федосья, всю жизнь мечтавшая «хощь во снях увидеть страдания Иисусика, как его, батюшку, на пропятие вели, как крест тяжелый ташил он на своей спинушке...». И сказал ей таинственный голос, «отчетливо так, явственно, словно отвечал: Услышана молитва твоя. Наяву узришь» (с. 201). Так и случилось. Только на спине кама – не крест, а огромный бубен, и толпа – не та, иудейская, а из своих, местных, во главе с огненно-рыжими «братами Брюхановыми, темными братьями во Христе», завершившими задуманное убийство «во славу и укрепление русской веры» (с. 215). После случившегося старухе Федосье вновь вспоминается сцена ужасной казни, и она видит, «да не глазами, а сердцем отворившимся: ведут Христа на распятие – измученный, избитый, крест на спинушке – и не Иисус это, а кам Чалбак – все лицо кровью залито» (с. 216).

Драма разворачивается на фоне величественного горного пейзажа – неременного участника всех сюжетных коллизий, усиливающего эмоциональную напряженность сюжета.

Умирая, кам пророчесствует будущую судьбу своих мучителей, он «тихо прошептал братанам Брюхановым» страшные предсказания смерти и несчастий (с. 215).

Страшная гибель кама поделила жизнь местных жителей на две части – до и после казни. Убийцы несут справедливое возмездие: «С этой проклятой ночи худо в селе Глызети сделалось и пусто: словно налетел вихрь, опрокинул все, угасил огонь жизни, оборвал цветы – уныло стало. <...> Брюхановым братанам <...> жизнь не в жизнь. <...> Чалбакова душа покою братанам не дает» (с. 217, 218).

Как и предсказывал кам, брюхановская корова разродилась неведомым «чудом» – шестиногим, двухголовым теленком. Да и на весь род Брюхановых «великое попуценье содеялось. <...> К лету красному почти всех Брюхановых "шайтан сожрал"» (с. 227, 228).

Чтобы острее подчеркнуть контраст между тем, что происходило ДО убийства кама, и тем, что случается ПОСЛЕ него, автор использует «зеркальную» композицию: наказание кама оборачивается наказанием тех, кто к этому убийству причастен;

распростертая на полу серая фигура отца Василия в мольбе об укреплении духа для наказания отступника от веры противопоставлена его же фигуре, коленопреклоненной в «рабском торге» с Богом о ниспослании ему прощения за грех;

мольба молодой жены кама Казанчи о его прощении перед братьями Брюхановыми – и просьба о том, чтобы Казанчи простила за смерть ее мужа последнего оставшегося в живых Филимона Брюханова;

речной обрыв, с которого сбрасывают умирающего кама, – и тот же обрыв, но теперь жертвой становится Филимон Брюханов.

Усиливает это четко проведенное противопоставление греха и заслуженной кары за него, как уже говорилось вначале, звук бубна: тревожащий, обнадеживающий, заинтересовывавший, досаждающий в зачине повести, – и обретающий «инфермальную» тональность, особенно в последнюю ночь «под Илью-Пророка».

Расправа над иноверцами – не новая тема в русской литературе. Отсчет можно вести от XVII в. – от «Жития протопопа Аввакума» – по XX в.. очерки В. Г. Короленко «Мултанское жертвоприношение»; повести А. И. Куприна «Олеся» и «Гамбринус»; «История моей голубятни» и «Первая любовь» И. Э. Бабеля.

Пренебрежение к чужим верованиям, как правило, оборачивается отрицанием общечеловеческих ценностей, представлением о человеке как приатке к механизму существующего миропорядка. Возникает цепочка: вера – суевение – фанатизм – изуверство, звенья которой взаимосвязаны друг с другом. Осмыслить эту взаимосвязь, может быть, поможет заглавие повести «Страшный кам». «Страшный» – для кого? Для автора? Но он обозначил свою позицию в эпиграфе, взятом из молитв алтайцев: «Будет ли так, чтоб в пуповину нашу грязь не попадала? Будет ли так, чтоб на ресницах наших не было слез?» (с. 187). Нет, скорее всего, кам страшен тем, кто помогал изуверскому убийству ни в чем не повинного инородца. Чистые, наивные души: пастушонок

¹ Инферальный, от лат. *infernus* (преисподняя) – находящийся в аду, происходящий в аду, адский, дьявольский.

Ерема, старуха Федосья – видят в камне Чалбаке «очень даже смиренного», безобидного человека, страдальца за свою веру. Неслучайно Ерема уходит из деревни и поселяется поблизости от вдовы Чалбака Казанчи, чтобы помогать ей и тем самым искупить вину жителей деревни Глызеты.

Таким образом, в повести «Страшный кам» В. Я. Шишков существенно переработал свой ранний набросок – одноименный очерк, в котором им был воссоздана быличка, жанр русской несказочной прозы. Бессознательно-художественная форма вымысла, лежащего в основе былички как фольклорного жанра, позволила писателю прикоснуться к древнейшим основам религиозных представлений и особенностям как русского, так и инородческого (алтайского) мифологического сознания и специфическим формам его проявления. Стилевая манера В. Я. Шишкова сложна и многозначна и дает широкие возможности для поисков новых смыслов его повести о страшном и несчастном Каме Чалбаке.

Л. А. Беломытцева

Рассказ В. Я. Шишкова «Алые сугробы»

В рассказе В. Я. Шишкова «Алые сугробы» (1925) получил оригинальное авторское переосмысление сибирский миф о Беловодье.

Легенда о Беловодье возникла в старообрядческой среде в конце XVIII – начале XIX вв. По преданиям старообрядцев, Беловодье – мифическая страна к востоку от России, где сохранилась «древлеправославная» вера, не затронутая реформами патриарха Никона, происходившими в середине XVII в. Это и рай для всех страждущих, это и просто вольное место, где можно жить в достатке, укрыться от религиозных притеснений, стать недосягаемым для властей. Беловодье называли «Страной справедливости и благоденствия», «Страной Запретной», «Страной Белых Вод и Высоких Гор», «Страною Светлых Духов», «Страною Живого Огня»¹.

¹ «Помещали» Беловодье и в район озера Лоб-Нор (в преддверии хребта Алтынтаг, ограничивающего Тибет с Севера), и в несравненно более близкие пределы: сама Бухтарминская долина, откуда выступило большинство староверческих экспедиций, была ранее именно воплощением Беловодья, и лишь с присоединением Бухтармы к России Беловодье переместилось дальше к югу. По мере продвижения русских казаков на восток, так и не найденная земля блаженного Беловодья смещалась в представлении русских крестьян все дальше в неосвоенные территории. Периодом наиболее активной жизни беловодской легенды следует считать 50–80-е гг. XIX в., в конце XIX – начале XX вв. легенда постепенно стала приобретать фольклорный характер.

Обращение к этой легенде можно встретить в творчестве разных сибирских писателей, например, в повести А. Е. Новоселова «Беловодье» (1917), в романе Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» (1922), в повести А. А. Караваевой «Золотой клюв» (1925). Так, герой повести А. Е. Новоселова, старообрядец Панфил, истово верит в существование святого моря-озера, вокруг него в лесах живут святые скимники, и «монастырей там и храмов – не счесть! Все по старой вере»¹.

В. Я. Шишкову сюжетную основу рассказа «подарили» крестьяне-самоходы – они сами, без помощи и разрешения властей, искали в Сибири плодородную землю, чтобы переселиться вместе с семьями из России, где земля оскудела и приносила плохие урожаи². Поэтому в рассказе «Алые сугробы» легенда о Беловодье приобретает особый, крестьянский, колорит.

В похожем на сказочный зачине рассказа так говорится о Беловодье, «стране диковинной»: «Земли в ней тучные, дожди теплые, солнышко благодатное, пшеница сама собою круглый год растет – ни пахать, ни сеять, – яблоки, арбузы, виноград, а в цветистом большетравье без конца, без счета стада пасутся – бери, владей. И эта страна никому не принадлежит, в ней вся воля, вся правда искони живет»³. С самого начала в повести возникает образ утопического пространства, помещенного в мифологическое время.

Двух главных героев, однофамильцев Афоню и Степана Недокрытовых, направляет из Центральной России искать плодородные и свободные земли крестьянская община деревни Недокрытовой: «... с богом, ребята, со Христом. <...> Не жизнь нам здесь, а гроб. <...> А земля наша – сквозь песок. А дождей который год нету, сами знаете...» (с. 343).

На пути к Беловодью героям предстоит преодолеть тяжелейшие трудности. Степан погибает, спасая от смерти своего закадычного друга Афоню.

Рассказ неоднороден по своему жанровому составу. В него «вплетены» различные типы повествования: сказочное, сказовое⁴, а также черты, присущие одному из жанров древнерусской литературы – жанру хождения. При этом все типы повествования органично сочетаются в одном произведении, делая его самобытным и ярким.

Сказочный тип повествования представлен в основном на сюжетно-композиционном уровне.

¹ Новоселов А.Е. Беловодье // Хрестоматия по литературе Алтая. Барнаул, 1996. Ч. 1. С. 301.

² В.Я. Шишков познакомился с ними в 1913 г. на Чуйском тракте за горами.

³ Шишков В.Я. Алые сугробы // Шишков В.Я. Чуйские были: роман. Очерки. Рассказы. Барнаул, 1986. С. 342. Далее страницы этого издания указываются в тексте статьи в круглых скобках.

⁴ Сказ – повествование, стилизованное под устную речь рассказчика, который обладает ярко выраженным простонародным характером.

Мотив поиска земли тесно связан с мотивом пути, который является ведущим в волшебных сказках. Развитие сюжета в повести действительно напоминает сказочное: два героя должны пройти через различные испытания, сразиться с «антагонистом», «противником» – «горным духом Алтая», его суровой природой – и в итоге победить.

В сказочной традиции представлены и сами герои: будучи противоположными по характеру, они, тем не менее, составляют неразделимую пару. Афоня – романтик-мечтатель, похожий на Ивана-дурака, для него Беловодье – сказочная страна, с кисельными и молочными берегами. Он и отправляется в Беловодье «за сказками». В народной культуре имя Афоня воспринимается как нарицательное: Афоней называли недалекого человека.

Второй персонаж, Степан, в отличие от Афоня, гораздо ближе к материальной стороне жизни. В его понимании Беловодье прежде всего плодородная свободная земля, где могла бы спокойно жить крестьянская община. Он идет в Сибирь за «черноземом», за «брюхом» (с. 358).

Различия между персонажами подчеркнуты в портретных характеристиках. Афоня выглядит так: «...весь он какой-то белесый, точно из крупчатки с мякиной сляпан», «речь нескладная», «тихий, задумчивый, весь в мечте, весь в сказке... любит «с дудочкой соловьев ловить». Степан, напротив, «угрюмый, черный, присадистый, голосом груб, взором грозен», он «черту брат: повстречается медведь-стервятник – хватъ ножом, как пить даст» (с. 343).

В пространстве рассказа переплетаются элементы сказочного и реалистического. Как и в русской волшебной сказке, местные жители предостерегают путников от неминуемой смерти в заснеженных горах: «Вертайте, самоходы, назад. В белках вам крышка»¹, но Афоня и Степан нарушают «запрет» и все-таки движутся все дальше и дальше в горы.

В то же время в рассказе встречаются реальные названия алтайских сел, рек, горных хребтов: Онгудай, Урсул, Урянхай. Алтай таит в себе много реальных опасностей, которые могут стать смертельными для героев: «Горы, как хребты страшных чудовищ, высились над землей. <...> Налево лежали хребты нагие, словно звериные спины облысели от времени или словно вся шкура была содрана с чудовищных хребтов до самого до мяса» (с. 345–346). Природа Алтая экзотична и враждебно настроена к героям: «Путники поняли, что началась опасность, что горный дух Алтая – человеку враг» (с. 349).

Враждебность Алтая по отношению к пришельцам берет свои корни в становлении Сибири как особого культурного пространства. Так, крестьяне Алтая резко отличались от крестьян центральной России: свободные от крепостного права, сибиряки не знали тягот барщины и оброков. Поэтому на Алтай тянулись за вольным хлебом, за свободой, за чистой верой.

¹ Белкú – в сибирских говорах высокие горы, покрытые вечными снегами.

Одновременно с заселением территории Сибири русскими переселенцами происходило формирование особого сибирского характера – сильного, независимого, бесстрашного.

В «Алых сугробах» о сибирском характере свидетельствует встреченный путниками в горах чалдон¹. Сначала он предостерегает их от верной смерти и предлагает помощь в возвращении назад, но, когда Степан стал грозить ему ружьем, чтобы отобрать у него второго, свободного коня, тот «гулко бросил»: «Всяк сам за себя ответчик!» (с. 356). Афоня и Степан с их общинным сознанием не могут принять этой истины. Но со стороны сибиряка это не эгоистический жест (ведь он предупреждает об опасности), а следование естественным законам природы, инстинкту выживания.

В «Алых сугробах» встречается и другой тип повествования – сказовый. Сказовая манера обычно ориентирована на устную речь сказителя. Так, в рассказе часто встречаются разговорные синтаксические конструкции: «Когда-то, и не так давно, жили в селе Недокрытове два закадычных друга, Афоня Недокрытов да Степан Недокрытов, так по селу и прозывались. Оба в самом прыску, молодые, только по обличью не схожи» (с. 343). Разговорная лексика придает рассказу особый художественный колорит. В некоторые моменты она помогает раскрыть психологическое состояние героев:

– Повернем назад, – слезно взмолил Афоня.

– Дурак, – ответил Степан. Голос его сердит, безжалостен. – Как же назад, ежели коню не оборотиться? (с. 350).

В сказоподобном повествовании – «условном», или «усеченном», сказе – слово персонажа сопровождается голосом повествователя, проникающего в сознание персонажа, что позволяет ввести читателя во внутренний мир героя: «До чугунки добрались – как пошли отмахивать да как пошли крутить. Урал – вот так это горы! А там и Сибирь – плоская, ровная, а дальше опять река, да не река, речичца – Обь... А за речичцей опять горы начались, не горы, а горищи – сам Алтай!» (с. 344). В выражении «как пошли отмахивать», в словах «речичца», «горищи» передано изумление главных персонажей, уроженцев среднерусских унылых равнин, от масштабов природного мира Сибири.

В «Алых сугробах» присутствуют также черты одного из жанров древнерусской литературы, хождения². Обычно хождения содержали не только описание маршрута,

¹ Чалдон или челдон – первоначально, по В.И. Далю, бродяга, беглый, каторжник; позднее название перешло на всех сибиряков.

² Хождение – жанр средневековой русской литературы, форма путевых записок, в которых русские путешественники описывали свои впечатления от посещения иностранных земель. Другие названия жанра – «путник», «странник», «папомник», «скаска», «посольство». В ранний период существования жанра хождения в первую очередь писались папомниками, посетившими те или иные святые места – например, в Палестине или Константинополе. В дальнейшем, к XV в., жанр теряет свой религиозный оттенок; в частности, среди поздних хождений выделяется «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, описавшего впечатления от похода на восток с торговыми целями.

но и географические сведения (природные объекты, достопримечательности городов и селений) и этнографические сведения (особенности быта, устройство жилищ и т. п.), а самое главное – личные впечатления паломников от увиденного.

Понятие маршрута значимо как для сказочного типа повествования, так и для жанра хождения. Но в хождении важен не сам сюжет, а переживания персонажа-странника. Так, помимо мотива пути, который является ведущим в рассказе, данный тип повествования вводит мотив странничества, где странник – это особая категория духовного поиска.

Наиболее полно черты странничества воплотились в образе Афони: он набожен, для него весь мир пронизан Духом божьим, он живет постоянной верой в чудо. Так же, как и герой хождения, Афоня вспоминает о вере в экстремальных ситуациях:

– А ты верь, ты верь! – выкрикнул Афоня, ударяя себя сухим кулаком в грудь; голубые глаза его всхливали и белая бороденка, хохолком, тряслась (с. 357–358).

Реалистичнее настроенного Степана сближает с романтиком-идеалистом Афоней цель пути – отыскать богатое, плодородное Беловодье.

Однако, в отличие от Афони, Степан не проходит испытания веры. Он при первой же опасности произносит проклятие, тем самым отрекаясь от цели своего пути:

– Будь оно проклято, это дьявольское Беловодье (с. 351).

За отказ от веры тут же следует «наказание»: конь Афони срывается в пропасть. Сцена с лошадей раскрывает крестьянскую натуру Степана:

– Миленькая моя... Лошадушка... Детишка моя, лошадушка... (с. 354).

Поцеловав «ей глаза и лоб», он вынужден пристрелить ее, спасая от напрасных страданий.

Но Степану приходится еще раз помянуть черта:

– Хоть бы черт повстречался, – буркнул Степан (с. 354), и враждебный для непрощеных пришельцев дух Алтая воплощает его метафору во всаднике, который не отдает путникам коня:

– Ну и дьявол... – скрипел Степан зубами (с. 354).

На следующее утро после этой драматической встречи Алтай показывает героям манящие вперед алые сугробы. Этот момент один из кульминационных в повествовании: «Афоня сложил молитвенно руки и шептал, умиляясь:

– Господи, господи, снег-то какой... красный... Так бы и погулял там.

– Может, там смерть наша сидит, – сурово сказал Степан, разжигая костер» (с. 357).

Но и в третий раз (как в сказке – трехкратное повторение) приходится Степану призвать на помощь черта:

– Черт! Леший! Бери душу! Продаю! Отрекаюсь! Себя не жаль, товарища жаль... Бери! Только укажи дорогу (с. 362).

Образ алых сугробов, вынесенный в заглавие рассказа, носит двойственный характер. На первый взгляд алые сугробы – некий знак надежды, ведь алый цвет символизирует новую жизнь, возрождение. Но в ходе повествования

алый цвет сугробов раскрывается по-иному: он воплощает в себе идею враждебности, становится метафорой смерти, трудных испытаний для героев. К такой трактовке отсылает и смысловое значение сугроба, естественного природного препятствия. Возможно, здесь ассоциативно воспроизводится поговорка: «На миру и смерть красна», т. е. все можно перенести не в одиночку, а вместе с людьми, с миром. В этом усматривается проявление соборного сознания героев, в основе которого – страдание за других. Оба героя стараются не для себя, а для мира, для людей. Незадолго до смерти, наедине с собой, Степан пытается понять, есть ли смысл в его мучениях: «Жалеючи шел. Для миру старался. Мужиков жалел...» – скользнуло в его сознании и пропало» (с. 366).

На последнем этапе пути главные испытания приходятся на долю Степана. Сказочное, сказовое начало уступает место реалистическому изображению поведения этого персонажа. В самые трудные моменты проявляются его благородные черты – храбрость, верность, самоотверженность. Афоня в дороге тяжело захворал и «посматривал на друга, как больной ребенок на отца», потерял «коробочку с пистонами и порох», которые могли бы спасти оголодавших до галлюцинаций путников. Степан, пока хватает сил, собирает коренья, грибы и травы, варит в котелке «бурдомагу», ухаживает за больным. Но и его могучие силы на исходе, и Степан готов лишиться себя жизни:

– Ничего не остается, – сказал себе Степан, и рука его крепко сжала нож (с. 364).

Останавливает жадный до крови нож таинственный голос: «"Не смей" ясно отпечталось в самых ушах его» (с. 364) – и плач Афоня.

Однако Степан – не христианский праведник, он живой человек и временами испытывает по отношению к Афоне злые чувства. Слабый, беспомощный Афоня впадает в отчаяние:

– Вот и отходили мы с тобой, Степанушка. Беловодью конец...

«Баба, – подумал Степан. – Из-за тебя гибну». – И колючим взглядом в Афоню, как стрелой (с. 370).

Но жалость к Афоне, его покорность перед смертью вдруг вызывают последний прилив сил у Степана: «Степана что-то ударило в сердце» (с. 371) – и неистовое желание спасти друга:

– Афонюшка, товарищ... Повремени чуть-чуть, запри дух... Выручу, не умирай (с. 372).

Степан жертвует собой, пытаясь перескочить в отчаянном прыжке бездонное «провалище», он своим предсмертным криком останавливает далекого всадника, который вскоре отыскивает и спасает Афоню.

Как объяснить этот несказочный поворот сюжета?

Степан по натуре ближе к сибирскому типу естественного, природного человека. Но в схватке со сказочным «антагонистом», противником – горным духом Алтая, его суровым климатом – погибает он, а мечтатель Афоня в конце

концов попадает в Беловодье. Однако именно Степан, в дороге заметно изменившийся (вначале он шел «за черноземом», а потом понял, что «жалееючи шел», «для миру старался»), своим самопожертвованием помогает Афоне завершить трудный путь.

Спасший Афона местного житель, «татарин в тюбетейке», одобрительно отзывается о Степане: «Шибко хорош, ой, какой хорош!..». Он, по сути, подтверждает достижение той цели, за которой шел Степан:

– Земля шибко якши тут... А-яй, какой земля, самый хорош. Работать мало-мало можно, денга колотить можна (с. 374).

И выздоровевший Афоня помнит о Степане, потому что тот за него «душу положил». В последней, двенадцатой, главе (символика двенадцати связана с идеей законченности, цикличности, полноты) Афоня завершает трудный путь, собираясь начать новый: «Опять вспомнился Степан, вспомнился белый погост в горах. Но волна ликующей радости, все побеждая, гулко била в берега» (с. 374), поэтому финал рассказа – открытый.

Таким образом, в рассказе встречаются черты различных жанров как литературного, так и фольклорного происхождения. Сказочный тип повествования проявлен на сюжетном уровне: с ним связан мотив пути. Сказовая манера помогает раскрыть внутренний мир героев, передает через речь персонажей их психологическое состояние. Жанр древнерусской литературы, хождение, вводит в произведение целый комплекс мотивов: мотив странничества, мотив поиска земли обетованной, мотив испытания веры.

Так авторское сознание, впитавшее литературную и фольклорную традиции, органично соединяет различные типы повествования в одном произведении. Подобный жанровый сплав образует оригинальный, самобытный текст и позволяет искать новые аспекты для его изучения.

Е. В. Кривченко

Слово о В. Я. Шишкове (сценарий литературного вечера)

*Сцена. На экране портрет В. Я. Шишкова.
Два чтеца выходят и располагаются по краям сцены.*

Первый чтец Уже давно сказано, что у каждой книги своя судьба. У каждого писателя тоже своя судьба. Иногда литературная биография начинается со школьной скамьи, и к 40 годам литератор оставляет лучшее, на что он способен, позади. Вячеслав Яковлевич Шишков в 40 лет только вступил на литературную дорогу, и у него все было впереди.

Библиотекарь 3 октября 1873 г. в старинном городе Бежецке Тверской губернии в небогатой купеческой семье родился Вячеслав Шишков. Здесь прошли его детские и юношеские годы. Учился будущий писатель в Бежецком городском училище, где показал блестящие результаты. Он с увлечением читал русских классиков: Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Успенского, Чехова, Короленко. Затем продолжил образование в Вышневолоцком училище кондукторов путей сообщения и получил интересную и перспективную специальность – техник по водным и шоссейным путям.

Окончив училище в 1894 г. с «особой наградой за отличное ведение практических занятий и отличное поведение», В. Я. Шишков по собственному желанию отправляется в Сибирь, в Томский округ путей сообщения.

Более 20 лет своей жизни посвятил он исследованию сибирских рек: Енисей, Лены, Ангары, Иртыша, Оби, Бии, Катунь... На Алтае В. Я. Шишков во главе изыскательской партии исследовал Бию от Телецкого озера до Бийска – чтобы выяснить, возможно ли на ней судоходство.

Два летних сезона в 1913 и 1914 гг. В. Я. Шишков заведует Чуйской партией, руководит изысканиями торгового Чуйского тракта с целью его коренного переустройства. Сотни километров прошел с нивелиром Вячеслав Шишков по горам Алтая.

На экране фотография В. Я. Шишкова во время Чуйской экспедиции.

Первый чтец Из воспоминаний Василия Петрова, первого помощника В. Я. Шишкова в Чуйской экспедиции: «Вячеслав Яковлевич был требовательный, строгий, но справедливый начальник. Пьяниц он не выносил и быстро с ними

расставался. Техники и рабочие любили Вячеслава Яковлевича, верили ему и охотно работали с ним весь сезон... Временами у нас в экспедиции не было даже хлеба. Покупали живых баранов и свеживали их, а туши вешали на деревья, чтобы мясо дольше не портилось. На кострах варили пшеничную кашу, иногда я пек пирожки на этих кострах, приспособив для этого железные листы. Жили мы в палатках. Днем жара доходила до тридцати градусов по Реомюру (37° по Цельсию), а ночью вода замерзала в ведрах. От ночного холода спасались в спальных мешках, предусмотрительно закупленных по поручению Вячеслава Яковлевича»¹.

Второй чтец. Из письма В. Я. Шишкова Григорию Николаевичу Потанину. Июль 1914 г. «Из Онгудая пишу Вам. До Аноса ехал Катунью, оттуда на Мыюту свернул. В Аносе прожил два дня. Хорошо! И этот сад цветущий, и журчащий ручеек в нем, и громады гор крутом – все располагает к тихой хорошей мечте. А тихие алтайские ночи! Как хороши они, как торжественны. Я люблю Алтай крепко, с каждым годом любовь моя растет, и не знаю, чем я возмещу Алтаю ту радость и счастье, которым он меня наделяет каждый день, каждую минуту. Если б я был поэтом, я воспел бы его, я бесконечно стал бы прославлять его красу и мощь».

*На экране фотографии природы Горного Алтая, которые иллюстрируют слова
Первого чтеца.*

Первый чтец. Природа Алтая пробудила в Шишкове творческую фантазию, талант, энергию. Чуйский тракт открыл для него путь в литературу. Тема Алтая нашла отражение в таких рассказах и повестях, как «Чуйские были», «Страшный кам», «Алье сугробы». Наибольшую известность приобрела повесть «Тайга», написанная в 1914–1915 гг. ***(Отрывок из повести «Тайга» читают 2 человека. Возможна замена на другое произведение на темы Алтая.)***

Ведущий Как-то вечером Анна сидела у Андрея. Она шила рубаху, негромко напевала проголосную.

А н н а . Уж ты гой еси, да ты светел месяц,
Хоть светло ты светишь,
Да не по-прежнему...
Ой, потакаешь ты,
Как ворам, плутам, разбойничкам...

А н д р е й *(остановился и взял ее за руку)*. Хорошо ты, Анна, поешь. У тебя столько слез в голосе... грусть...

А н н а . Батюшка с матушкой лучше поют. Бывало, выпьют о празднике, сядут друг против дружки, подшибутся, да и Ну, непременно заплачешь.

¹ Петров В.П. Мой старший друг и учитель // Воспоминания о Вячеславе Шишкове : сборник / [сост. Н.Н. Яновский]. Новосибирск, 1987. С. 68.

А н д р е й *(поглаживая ее голову)*. О чем же?

А н н а . Да и сама не знаю... Тяжело делается... Будто кто покличет куда...

А н д р е й Ну-ну... *(Андрей сел рядом с Анной.)*

А н н а . Али вот ночью... Не заспится иным разом, – ну, хоть зарежь. А ба-тошка с матушкой похрапывают. Выйду на речку да и сяду у воды... Ночи летом светлые, а птицы в черемошнике, почитай, насхрозь поют... Сидишь и думаешь... Эх, думаешь, была бы богатырем, сгребла бы огромный топориче да ну тайгу пластать... Вывела бы дороженьку прямехонько на белый свет...

А н н а . Андреюшка, слушай-ка... Чевой-то сказать хотела. Да, вот чего... Не славно как-то... жизнь-то... Живешь, а словно бы не живешь, а так как-то...

А н д р е й Жизнь... Какая это жизнь?... *(Размахивая руками, говорил он.)* – Жрут, спят, дерутся, убивают... Дикое нечто, звериное...

А н н а Ох, голубчик... Хуже зверья... Ты побывай-ка у нас в Кедровке... Жуть. Уж больно плохо: бедность, руготня, убийство...

А н д р е й Душно, Анна, скверно... Что-нибудь делать надо такое... ну, чтобы посветлей было. Жизнь налаживать надо, Анна... Охо-хо... Легко молвить, а ну-ка, приступись... А если ничего не выйдет, убегу... *(Андрей быстро сорвался и зашагал по комнате, крепко сомкнув кисти рук.)* Убегу, куда глаза глядят... К черту! К дьяволу!..

А н н а . Андреюшка, и я с тобой...

А н д р е й И ты?!

А н н а Я в согласьи. Постой, Андрей... А здесь-то как же? Ведь сам говоришь: темень, скверность... Зачем же убегать? А ты здесь свети. Хошь сколько посветишь, и то добро... Хошь лучиночкой немудрящей...

(Андрей улыбнулся.)

А н д р е й Когда встанет солнце, по всей земле светло... без лучинки... сразу. А солнце там, Анна, за тайгой... Мечта... Мечта!

На экране фотографии книг В. Я. Шишкова.

Второй чтец Из воспоминаний писателя Константина Федина, близкого друга В. Я. Шишкова в 1920–1940-х гг.: «После серьезных произведений "Ватага", "Пейпус-озеро", где с безудержной широтой кисти автор изображает сибирский народ в лютой борьбе за свое счастье, Вячеслав Шишков вдруг обернулся к читателю совершенно неизвестным, обворожительным лицом: одну за другой он стал выпускать книги юмора. Народ, живший необычайно сурово и тяжело, боровшийся за свою правду беспощадно и до последней капли крови, – этот народ хитро улыбался, хохотал и так тонко подмечал все, достойное смеха, что жизнь вставала перед глазами читателя сияюще полной и ободряющей душу»¹.

¹ Федин К. Вячеслав Шишков // Воспоминания о Вячеславе Шишкове . сборник / [сост. Н.Н. Яновский]. Новосибирск, 1987. С. 3.

Инсценировка рассказа В. Я. Шишкова «Портрет»

На сцену выходит кулак с мешком с вещами и начинает их перебирать. Следом выходит художник с мольбертом.

Художник (*обращаясь в зал*). Было дело в голодное время. А сам я – мастер по церковному цеху, святых рисовал, то есть живописец. Как ударил голод, тут уж некогда угодников мазать, да и негде: даже попы нуждаться стали. И вот пришла мне в голову идея. А поезжай ты, Семушкин, по деревням, внушаю сам себе, – будешь с богатых мужиков морды малевать. В четырех селах ни хрена не вышло, в пятом – клюнуло. Кулачок замечательный там жил, бывший торгош, страсть богатый, черт.

Кулак (*не переставая перебирать в мешке вещи*). Ладно! Рисуй по очереди всех, меня, Матрену, Акульку, Мишку. Потому по благородному желаю жить: чтобы все на стенках висели, форменно, да!

Художник (*в зал*). Стали мы торговаться. Я по пуду муки за портрет прошу и по три десятка яиц.

Кулак. Пиши за харч, жрать будешь и – довольно!

Художник. Это грабёж! Вы, гражданин, искусство не цените. Вы, граждане, не знаете, что знаменитый художник Репин по три тысячи золотом за портрет берет.

Кулак (*вскакивая со скамейки*). Начхать мне на твоего Репина! Он – Репин, а я – Огурцов. А не хошь, как хошь. Забирай инструмент и – дальше.

Художник (*в зал*). И стал я его, сукина сына, писать. Жарища стояла адова, то есть такая жара – шесть собак на деревне очумело. (*Усаживает кулака на скамейку.*) Я посадил его, подлеца, у ворот, на самый солнцек и велел волчью шубу с шапкой надеть.

Кулак. Пошто! Рисуй в красной рубахе, при часах.

Художник. Нет! В шубе солиднее, богаче. Все вельможи в шубах пишутся. Даже Никола-зимний на иконе, и тот в рукавицах. (*Выходит вперед на авансцену, обращаясь в зал.*) Он сидит, пот градом с него, а я, конечно, в холодок устроился. Разглядываю его, а он пыхтит: тучный, дьявол, жирный.

Кулак. Что же ты, живописец, не малюешь?

Художник (*обходит кулака с одной стороны, с другой: делает вид, что разглядывает кулака*). Я физиономию вашу изучаю, очень величественная у вас физиономия, как у воеводы. (*Кулак суетливо начинает прихорашиваться.*) Нет, Митрий Титыч, шевелиться нельзя.

Кулак. Ну?! Неужто нельзя... А меня клоп кусает.

Художник. И разговаривать нельзя. И мигать нельзя: кривой будете, вроде урода. Замрите, начинаю. (*Рисует, и вновь обращается к залу.*) А в это время муха ему на нос и уселась. Он глаза перекошил, носом дергает, а в душе, вижу, ругает муху, ну прямо живьем сожрал бы ее, а нельзя. (*В сторону кулака.*) Пожалуйста, не обращайтесь на нее внимания: поползает, поползает, да

улетит. А то портрет испортите, снова придется... *(Рисует, и снова в сторону зала.)* Гляжу – он губы скривил, чуть-чуть поддувает на муху с левого угла. А муха оказалась нежной, не любит ветерок, взяла да и поползла на правый глаз. Кулак моргнул, да лапичей как хлопнет. Муха и душу богу отдала. *(В сторону кулака.)* Ну вот, портрет испорчен. Снова.

Кулак. Господин живописец, нельзя ли в холодок? Шибко жарко, сомлел я весь, и глазам очень трудно на солнышко глядеть.

Художник. Нет, нет, замрите окончательно. *(Рисует, а затем снова в сторону зала.)* Часика через три я объявил перерыв. *(Кулак убегает со сцены.)* Мужик бегом к пруду, и шапку на дороге бросил, шубу на дороге бросил и, не стыдясь баб, оголился, да ну, как тюлень, нырять, нырнет да гогочет. А я думаю: я те, анафеме, покажу, как сквалыжничать, ты у меня взвоешь.

Кулак. А много ли возьмешь, живописец, ежели без шапки?

Художник. Два пуда, меньше не возьму. Снова писать придется.

Кулак. Да ведь ты пуд просил?

Художник. Меньше двух пудов не могу. В шапке ежели – пуд. Не желаете, тогда до свиданья. Я художник самый знаменитый. Меня даже в Москве каждая собака знает.

Кулак *(разглядывает рисунок)*. Портрет мне шибко нравится. А я тебя не выпущу. Ежели сбежать надумаешь, на коне догоню, раз ты знаменитый. Так и быть, рисуй простоволосым, без шапки.

Художник. После обеда хозяин выпил одиннадцать стаканов чаю, надел шубу, перекрестился и сел на скамейку. Жара была еще сильнее. Я разрешил ему говорить за десяток яиц. Говорил он, говорил, болтал, болтал, а пот так и течет с него: шуба волчья, теплая, сам же он, повторяю – тучный.

Кулак. Вот до чего упарился... аж в сапогах жмыхает.

Художник. Ничего. Терпите!

Кулак. Да долго ли терпеть-то? Аж пар из-за голенища валит. Аж дышать тяжело!

Художник *(в сторону зала)*. Через час у него кровь из носу пошла. Через два часа он вдруг побелел и застонал.

Кулак. Кваску бы... *(ложится на скамейку, немного полежав, подходит к художнику, рассматривает рисунок и продолжает)*. Дюже правильно личность обозначил. Приятно. А сколько возьмешь, ежели без шубы? А то жарко очень...

Художник. Дорого: пять пудов.

Кулак *(помахал кулаками, почесал затылок и махнул рукой)*. Рисуй, сволочь!!!

Художник *(в сторону зала)*. Я потребовал плату вперед, посадил брюхана в холодок, в красной рубахе он, при часах, с медалью – и стал со всем старанием писать. Словом, окончилось все хорошо. Прожил я у кулака два месяца. Мучицы заработал и денюжат!

Кулак *(подходит к художнику, дает ему деньги, забирает рисунок)*. А ты все-таки жулик... Ловко нагрел меня!!! *(Уходит.)*

Художник (*вдогонку*). Другой раз не жадничайте... Вы человек богатый!!! (В зал.) Дома же я обнаружил, что он, проклятый сквалыга, в муку порядочно песку подсыпал! (*Уходит.*)

После сценки на экране фотография В. Я. Шишкова.

Первый чтец Из воспоминаний литератора Петра Чагина: «Я горжусь тем, что узнал Шишкова, когда он был автором "Тайги" и нескольких рассказов, восхищался его "Ватагой" В ту пору он еще не был автором ни легендарной "Угрюм-реки", ни эпического "Емельяна Пугачева" Об этих вершинах художественного творчества Вячеслава Шишкова много сказано и написано. Примечательно то, что в оценке произведений Шишкова впереди литературных критиков были читатели, стало быть, народ. В 1933 году вышел первым изданием роман "Угрюм-река", которым зачитывались так, что я вынужден был подарить мне книгу с надписью спрятать, чтобы она не затерялась. Как-то Вячеслав Яковлевич показал присланный ему экземпляр, который состоял уже из одних разрозненных и почти истертых листков, до того был зачитан».

На экране демонстрируется отрывок из художественного фильма «Угрюм-река» (двухминутный сюжет с тунгусом).

Второй чтец (*продолжает читать фрагмент воспоминаний П. И. Чагина*): «Когда речь заходила о героях произведения, Шишков загорался. Глаза блестели, как у юноши. Однажды я выразил восхищение силой описанных в «Угрюм-реке» характеров. «Как это вам удалось схватить их?» – спросил я. Вячеслав Яковлевич встал, начал ходить по комнате. «Вот так, – сказал он, – я хожу и вижу: они со мной. Вот здесь... Они не давали мне покоя все время, пока я их писал. Да разве иначе можно? Нужно все видеть и переживать со своими героями, иначе произведение будет неминуемо холодным и малоубедительным»¹.

На экране демонстрируется отрывок из художественного фильма «Угрюм-река» (двухминутный сюжет с золотоискателем). Затем фотографии памятника В. Я. Шишкову.

Первый чтец. Из воспоминаний Петра Чагина: «Гете говорил: "Если хочешь познать поэта, поезжай в его страну" В 1950 году поехал я в город Бежецк Калининской области на родину Вячеслава Шишкова. Союз писателей СССР поручил мне принять участие в открытии памятника писателю. Никогда не забуду, как на это торжество съезжались трудовые люди из всех округ – люди калининские, вышневолоцкие, старицкие, ржевские – и как на обращение к ним с трибуны у памятника они поклонились в честь своего земляка».

Второй чтец. Вячеслав Яковлевич Шишков умер совершенно неожиданно в марте 1945 г., не дожив совсем немного до Победы. В годы Великой

¹ Чагин П.И. Его творческое море // Воспоминания о Вячеславе Шишкове . сборник / [сост. Н.Н. Яновский]. Новосибирск, 1987. С. 367

Отечественной войны в блокадном Ленинграде Шишков читал на радио, писал в газеты, выступал в госпиталях. В эти годы им написаны книги о русской военной доблести: «Слава русскому оружию», «Партизан Денис Давыдов», «Гордая фамилия», роман «Емельян Пугачев».

Первый чтец Из воспоминаний писателя Евгения Федорова: «Мартовским вечером мне позвонили и сообщили, что минувшей ночью не стало Вячеслава Яковлевича.

– Слышали? – с болью спросили меня. – Да, уходят наши сверстники... Вячеслав Яковлевич Шишков был редкий человек... Золотое сердце...

Я шел, мысленно повторяя эти два слова, которые так хорошо характеризовали его.

"Золотое сердце... Золотое сердце...

Мне не удалось быть на его похоронах. Кто знает, может быть, это и лучше? Для меня навсегда он остался живым, весело смотрящим с лукаво-добродушным прищуром глаз. Кажется, вот-вот я услышу его приятный, всегда слегка насмешливый басок...

И когда я беру его книгу в руки, то с волнением чувствую, что он жив, что он среди нас...»¹.

На экране фотография В. Я. Шишкова.

Библиотекарь. Писатель жив, пока читают его книги. Богатейшее литературное наследие Вячеслава Яковлевича Шишкова, несомненно, представляет интерес для глубокого читателя. Надеемся, что наша композиция станет своеобразным приглашением в творческую мастерскую поистине национального русского писателя.

Будущим участникам Публичных Шишковских чтений

Две следующие публикации обращены прямо к тем из юных читателей, которые хотели бы выступить на Публичных Шишковских чтениях в 2009 или 2010 г., и их руководителям – учителям школ, училищ, работникам библиотек.

Если вы интересуетесь литературой, если вас увлекает изучение биографии и творчества русских писателей, связанных с Алтаем, или вам нравится слушать сказки, отгадывать загадки, сочинять частушки, считалки, если в том селе или поселке, где вы живете, есть бывалые люди, которые умеют и любят рассказывать о том, что было, – мы адресуем вам в помощь краткое пособие о том, как собирать современный фольклор, и рекомендательный список тем для ваших исследований по литературе Алтая.

¹ Федоров Е. Золотое сердце // Воспоминания о Вячеславе Шишкове. сборник / [сост. Н.Н. Яновский]. Новосибирск, 1987. С. 296.

Как собирать фольклор: руководство по сбору произведений устного народного творчества

«Фольклор» в переводе с английского языка – народная мудрость. Это интернациональный термин, имеющий двойное толкование:

1) универсальное, т. е. явления не только духовной, но и материальной культуры (строения, утварь, хореография, народная живопись, ремесла и т. д.), например, фольклорный танец, фольклорная вышивка;

2) устное народное творчество, т. е. созданные народом песни, загадки, частушки и другие жанры.

Многие традиционные фольклорные жанры (былины, исторические песни, предания, легенды, обрядовые песни и др.) сохранились только в виде записей, сделанных в XVIII–XX вв. Но и сейчас устное народное творчество продолжает существовать, хотя его изрядно потеснили газеты, книги, радио, телевидение, компьютерные игры и т. п. В современной жизни еще осталось место для таких фольклорных жанров, как потешки, прибаутки, считалки, дразнилки, частушки, загадки, пословицы, поговорки, присловья, приметы, гадания, устные рассказы (например, об исторических событиях: Великой Отечественной, афганской, чеченской войнах), анекдоты. Старинный свадебный обряд с традиционными песнями, играми, обычаями ушел в далекое прошлое, однако сейчас складываются новые формы свадебного обряда, значит, и его нужно записывать, изучать, передавать другим поколениям. Устное народное творчество – это дело не только пожилых людей, которые помнят свое прошлое, но и очень молодых. Существует и развивается детский, школьный, студенческий, солдатский фольклор. Очень важно успеть записать – разными способами (на видео-, аудио-, теле-, радио-, наконец, просто от руки) – тексты, сочиненные и передаваемые от одного человека к другому. Вот почему мы обращаемся к вам, будущие участники Шишковских чтений, с просьбой собирать современный фольклор, живое свидетельство неиссякаемой творческой силы нашего сибирского народа.

В тех местах, где вы живете, наверняка есть бывалые люди, много видевшие, много знающие о жизни, те, кто любят рассказывать разные истории, петь песни, частушки. Есть и талантливые дети, подростки – сочинители забавных, смешных или страшных историй. Найдите их и попробуйте записать их сочинения. Это будет вашим вкладом в сохранение современного фольклора.

А теперь о том, какие правила существуют для собирателей устного народного творчества.

Начинающие собиратели нередко смущаются, что предлагаемые им песни «уже записаны». Но каждая фольклорная запись чем-то отличается от предыдущей,

является не точным повторением, а вариантом, значит, обладает какими-то своими эстетическими особенностями. Точное же повторение песни важно как регистрация устойчивости текста и обозначение пределов ее распространения, как свидетельство того, что фольклорное произведение как явление коллективного сознания существует в виде некоей множественности.

Основные правила собирания фольклора. Техника записи

Запись должна быть, во-первых, точно записанной народной речью, т. е. так, как рассказывали, без всяких сокращений или отсебятины, во-вторых – документальной, с обозначением, где и когда, от кого и кем сделана запись, с конкретными сведениями о рассказчике, его возрасте, родине, культуре, занятиях и т. п.

Рекомендуется для записей использовать звукозаписывающие устройства. Например, старинная свадебная песня, записанная без напева, – только «скелет» живого явления искусства. Иногда без записывающего устройства невозможно записать прозаический рассказ, особенно если рассказчик – балагур, импровизатор.

Не следует сглаживать диалектные особенности речи, стесняться «грубых» выражений (за исключением нецензурной брани), а также кажущейся нескладности отдельных фраз. Необходимо очень бережно относиться к звучанию народной поэзии, к особенностям местного говора («оканье», «цоканье», смена гласных и пр.). Например, «все в земли», «ступил на мягкой камень», «был в Москвы», «шамкат», «итит», «бьети» и т. п.

Абсолютно необходимо соблюдать все особенности построения народной фразы. Нужно ставить ударения там, где они отличаются от общепринятых. «Плавающее» ударение – один из типичнейших приемов фольклорной песенной речи:

Вырастала трава шелкОвая,
ШелковА травА, лазУревы цветы,
ЛазурЁвы цветы, Аленькие.

Непонятные слова следует попросить объяснить, но делать это во время записи нельзя ни в коем случае. Вообще, основное правило записи – не прерывать рассказчика. Даже если чего-то не услышали или не успели записать, лучше сделать пропуск и позже вставить пропущенное. Записывая песню, сказку, предание, неплохо тут же, на страницах, в скобках дать относящиеся к тексту замечания рассказчика и слушателей. Например: «Умерла у царя жена, и женился он на Ягой-бабы (прежде какие-то были Яги-бабы, в каждой сказке они есь, вредили людям). И не залюбила его сына жонка та».

Обязательно нужно отмечать также все, что относится к жанру песни, местное ее название (горочная, посиделочная, зажиночная, кружальная и т. п.), место в обряде. Отмечаются также манера пения и все прочие исполнительские способности.

Писать лучше всего «с голоса», т. е. не под диктовку исполнителя, а во время пения или рассказывания. Чтобы успеть, иногда пишут вдвоем-втроем (один первую строчку, другой – вторую, чередуясь, или один – начала строк, другой – заключения). Такая «хоровая» запись требует особого навыка и полной сработанности собирателей фольклора.

Есть целая система сокращений. Например, повторяющуюся строку или слово попросту подчеркивают столько раз, сколько было повторений. Часто встречающиеся слова можно обозначить одной буквой. Каждый собиратель вырабатывает свою систему сокращений.

Весь записанный собирателем материал обязательно прочитывается исполнителю, а затем, после внесенных уточнений, переписывается в чистовые тетради.

Правила оформления фольклорных материалов

Записи объединяются по исполнителям и по жанрам. Необходимо каждую вашу запись оформить как настоящий научный документ, т. е. паспортизировать ее. «Паспорт» предполагает наличие следующих данных:

1. Место записи, село, район, область
2. От кого записано (фамилия, имя, отчество)
3. Возраст
4. Место рождения
5. Образование
6. Профессия.

Дополнительно выясняется, откуда родом родители исполнителя, в смешанных районах указывается национальность певца.

Каждое произведение записывается с правой стороны тетради. Если текст большой и не укладывается на одной стороне тетрадного листа, то продолжение или окончание произведения переносится не на новый лист, а на обратную сторону уже исписанного. Все листы чистовой тетради необходимо тщательно пронумеровать.

Размещая записанный текст в чистовой тетради, следует также обратить внимание на то, что все произведения фольклора переписываются в ней с отступом от левого края листа (с полями), а песенные тексты располагаются посередине листа. Все рифмованные и ритмизованные произведения воспроизводятся в тетрадях расчлененными на поэтические строки и строфы с полным сохранением содержащихся в них повторов и припевов.

Вопросы, сопутствующие сборнику фольклора (по разным жанрам)

Календарные обряды и поэзия

1. Какие обряды совершались на святки? Как происходило колядование?
2. Устраивались ли на святки игрища? Как они проходили: кто принимал в них участие, какие обряды и игры совершались, какие песни исполнялись?

3. Принимали ли участие в игрищах ряженые?
4. Гадали ли в святки, как гадали? Были ли гадания с подблюдными песнями? Как они проходили, кто в них участвовал, что предсказывали гадающим подблюдные песни?
5. Какие были приметы об урожае, приплоде скота, погоде и пр.?
6. Как праздновали масленицу, ее встречу, проводы?
7. Какие обряды совершались при встрече весны и в какие дни? Как назывались эти дни?
8. Когда начинали водить весной хороводы, как они назывались?
9. Какие обряды совершались на Троицу?
10. Какие обрядовые действия были характерны для дня Ивана Купалы?
11. Праздновали ли Петров день, Ильин день?
12. Каково современное бытование традиционных обрядов?

Семейно-бытовые обряды и поэзия

1. Какие обрядовые действия сопровождали рождение человека?
2. Каков был ритуал традиционной свадьбы в данной местности?
3. Какие песни пелись на свадьбе, кем?
4. Какие жанры несвадебного фольклора исполнялись на свадьбе?
5. В какое время года чаще всего справлялись и справляются свадьбы? Как сейчас «играют» свадьбы? Чем отличается современная свадьба от традиционной?
6. Существует ли сценарий современного свадебного обряда, как соотносятся в нем традиционные элементы с современными?
7. Помнят ли о рекрутских обрядах (проводы солдат на службу в армию)?
8. Какие обрядовые действия сопровождали похороны человека и его поминки?
9. Была ли и есть ли в данной местности традиция причитания на похоронах? Кто причитал на похоронах?

Заговоры

1. Как назывались заговоры в данной местности и люди, их знавшие?
2. Каковы были обстановка и время исполнения заговоров?
3. Каковы взаимосвязи заговоров с календарными и семейными обрядами, с народной медициной?
4. Пользуются ли исполнители заговорами сейчас? Как относятся к современным изданиям сборников заговоров?

Сказки

1. Когда, в каких бытовых условиях и кому рассказывались сказки (в домашнем кругу, на лесозаготовках, во время отдыха и т. д.)?
2. Как бытование сказок зависит от состава слушателей? Существуют ли сказки для детей, для взрослых, «женские» сказки, «мужские» и пр.
3. Почему исполнитель стал сказочником?
4. Как понимает сказочник искусство исполнения?
5. Пользуются ли сказочники популярностью среди односельчан?

6. Известны ли сказки, созданные в последнее время? Как к ним относятся слушатели?

Предания, былички, легенды, сказы

1. В каких жизненных ситуациях и с какой целью рассказываются предания, былички, легенды, сказы; кому они рассказываются?
2. Что рассказывается о происхождении мира, о радуге, о луне, земле и пр.?
3. Известны ли былички о встречах с лешим, домовым, русалками, полудницами и пр.?
4. Какие предания рассказывают о происхождении села, о его названии?

Былины, исторические песни, баллады

1. Бытуют ли данные жанры в селе? Если да, то как исполнители называют былины (старина, песня и т. д.)?
2. Какие исторические песни о монголо-татарском нашествии, об Иване Грозном, Ермаке, Гришке Отрепьеве, Степане Разине, петровском времени, Емельяне Пугачеве, Отечественной войне 1812 года и т. д. помнят исполнители?
3. Известны ли исполнителям баллады о «жестоких» изменах, любви, убийствах и самоубийствах? Как певцы оценивают эти баллады?
4. Знакомы ли певцам баллады, в которых нашли отражение события гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны, послевоенного времени («Кочегар», «Павлик Морозов», «О Зое Космодемьянской» др.)? Часто ли они исполняются?

Хороводные песни

1. Существует ли в данной местности хороводная традиция? Каков ее местный репертуар?
2. Есть ли хороводные песни на темы современной жизни? Какие они?
3. Известны ли исполнителям основные типы сопровождения хороводных песен: чисто орнаментальное движение, драматическое разыгрывание в сочетании с орнаментальным движением, только драматическое разыгрывание?
4. Где и когда исполнялись хороводные песни? Какие песни исполнялись во время весенних и летних гуляний? Исполнялись ли хороводные песни зимой на вечерках?
5. Можно ли было исполнять весенние и летние хороводные песни зимой и наоборот?
6. В какой возрастной среде живут в настоящее время хороводные песни? Можно ли сейчас услышать хороводные песни во время застолья, работы в поле, т. е. в условиях, обычных для современного исполнения песен других жанров?

Песни, написанные профессиональными поэтами и композиторами

1. Какие профессиональные песни популярны у исполнителей?
2. Какие авторские песни часто исполняются?

3. Какие романы на музыку русских композиторов известны и распространены в народе?
4. Какие песни современных поэтов и композиторов особенно любимы народом?
5. Встречаются ли сегодня переделки авторских песен?
6. Как исполняются песни, написанные профессиональными авторами: с музыкальным сопровождением (и каким) или без него; хором или одним человеком?

Частушки

1. Как называют в вашей местности частушки? Нет ли нескольких названий частушек?
2. Откуда исполнители узнают частушки?
3. Когда, в каких жизненных ситуациях поются частушки?
4. На какие темы сочиняются частушки?
5. Есть ли в вашей местности всем известные частушечники? Как отражается в их частушках современная жизнь?

Детский фольклор

1. Какие произведения взрослые исполняют специально для детей? Какие колыбельные песни, пЕстушки и потЕшки бытуют в данной местности? Сопровождаются ли они игрой, действиями?
2. Какие произведения исполняются самими детьми и только для детей?
3. Какие небылицы-перевертыши, дразнилки и поддевки распространены в детской среде?
4. Какие игры популярны в детской среде, кто участвует в них?
5. Как дети «считаются» в общих играх, какие жеребьевки и считалки при этом произносятся?
6. Какие страшные истории («страшилки») дети рассказывают друг другу? Какие сказки рассказывают они в своей среде? Есть ли в вашей местности «черный юмор»?

Школьный фольклор

1. Существуют ли школьные приметы? Каковы они? Что означают?
2. Бытуют ли анекдоты, притчи, комические рассказы о школьной жизни, учащихся, учителях?
3. Какие песни, созданные школьниками, известны в данной местности?
4. Какое влияние оказывают на школьный репертуар литература, телевидение, радио, компьютер, мобильник (sms-ки), самодельная (гитарная) песня?
5. Как проявляется творческое начало в стенных и «живых газетах», сценических представлениях, других формах самодеятельности?
6. Есть ли у современных школьников личные рукописные альбомы, коллекции записей «модных песен»?

Загадки

1. Кто, кому и когда загадывает загадки? Какие виды загадок бытуют в данной местности (загадки-задачи, заумные загадки и пр.)?

2. Есть ли загадки, имеющие две и больше отгадок? Бытуют ли разные загадки с одной и той же отгадкой?
3. Какие загадки появились в последнее время? Какую роль в знании загадок играют школа, книга, радио?

Современный солдатский фольклор

1. Есть ли в вашей местности армейский фольклор и фольклор афганской, первой и второй чеченских войн?
2. Кто является носителем этого фольклора?
3. Какие жанры преобладают: песни, рассказы, анекдоты, пословицы?
4. Кто и как их исполнял?
5. Записано ли это в специальных тетрадях или альбомах?
6. Каково отношение к этому жанру фольклора жителей вашей местности?

Не обязательно задавать все вопросы из приведенного списка. У собирателя могут возникнуть и другие, более конкретные вопросы. Важно только то, что вопросы должны задаваться в понятной для исполнителя форме, не пугать его «научностью» или «заумностью».

Собиратель фольклора должен быть знаком с историей своей местности, с традиционными обрядами и обычаями. Когда и кем заселялись село, деревня, поселок, какие промыслы существовали на его территории – многое нужно знать настоящему собирателю.

Скажем еще об одном важном условии. Чтобы ваша работа имела смысл, надо либо записывать *один* из жанров фольклора от *многих* исполнителей (по-научному, информантов) и, сравнивая эти записи, пытаться понять, каковы их общие черты или, наоборот, каковы их различия; либо попробовать в ходе сбора понять, *какие вообще жанры фольклора* существуют в вашей местности, какие из них преобладают, какие встречаются редко и почему. Только тогда можно будет подготовить по вашим материалам интересный и содержательный доклад на Шишковских чтениях. Помните, что В. Я. Шишков занимался собиранием фольклора и северных народов Сибири (в изыскательских экспедициях на реку Нижняя Тунгуска), и коренных жителей Горного Алтая (во время Чуйской экспедиции).

Что делать дальше с собранными произведениями

Советуем обратиться за помощью и поддержкой к школьным преподавателям литературы. Они укажут вам путь, по которому надо идти: как точно определить жанры собранных вами материалов, в каком направлении их анализировать, как написать доклад (или небольшое сообщение) по материалам вашей собственной фольклорной «экспедиции» и как попасть с этим докладом на Публичные Шишковские чтения.

Какие книги могут помочь в собирании фольклора

1. Балашов, Д. М. Как собирать фольклор (руководство по сбору произведений устного народного творчества). / Балашов Д. М. – М., 1971.
2. Мельников, М. Н. Сибирский фольклор. Программа полевых наблюдений собирателя. / Мельников М. Н. – Новосибирск, 1973.
3. Померанцева, Э. В. О русском фольклоре. / Померанцева Э. В. – М., 1977
4. Савушкина, Н. И. О собирании фольклора. / Савушкина Н. И. – М., 1974.
5. Чистов, К. В. Современное народное творчество, его собирание и изучение. / Чистов К. В. – М. 1963.
6. Полевые вопросы и исследовательская программа собирания фольклора. / под ред. Т. Б. Диановой. М., 1999.

Л. А. Беломытцева

Рекомендательный список тем для исследований по литературе Алтая

1. Своеобразие современного русского фольклора на Алтае.
2. Особенности сибирских былин (по сборнику С. И. Гуляева «Былины и песни Алтая»).
3. Герои алтайских легенд (по сборнику А. А. Мисюрева «Легенды Горной Колывани»).
4. Алтайские старообрядцы в повести А. Е. Новоселова «Беловодье».
5. Мир алтайских старообрядцев в романе Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» (первый том).
6. Судьба коренных народов Алтая в очерковом цикле В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту».
7. Алтайские легенды и русский фольклор в цикле В. Я. Шишкова «Чуйские были».
8. Поэтика заглавия и цветопись в рассказе В. Я. Шишкова «Алые сугробы».
9. Традиции сказочного фольклора в рассказе В. Я. Шишкова «Алые сугробы».
10. Мотив странничества в рассказе В. Я. Шишкова «Алые сугробы».
11. Смысл заглавия и звукопись в повести В. Я. Шишкова «Страшный кам».
12. Образ сибирского крестьянского детства в повести Г. Д. Гребенщикова «Егоркина жизнь».
13. Романтические черты в повести Г. Д. Гребенщикова «В горных даях».
14. Образ горнозаводского быта в повести А. А. Караваевой «Золотой клюв».
15. Оппозиция «свобода – рабство» в повести А. А. Караваевой «Золотой клюв».
16. Легенды и обычаи алтайцев в повести А. С. Семенова «Белый бурхан».
17. Поэтика заглавия и образ круга в повести Е. Г. Гущина «Красные лисы».

18. Мифологема мужского и женского в повести Е. Г. Гуцина «Красные лисы».
19. Тип Вечной женственности в повести «Красные лисы» Е. Г. Гуцина.
20. Образ сибирского чудака в творчестве Е. Г. Гуцина (на примере произведений «Тень стрекозы», «Трое против чудака»).
21. Оппозиция «человек – природа» в рассказе Е. Г. Гуцина «Тайгун».
22. Мифологема дома в повести Е. Г. Гуцина «Дом под черемухой».
23. Оппозиция «город – деревня» в рассказах В. М. Шукшина.
24. Тип шукшинского чудака в рассказе «Жена мужа в Париж провожала».
25. Фольклорная основа повести В. М. Шукшина «До третьих петухов».
26. Литературные реминисценции в повести В. М. Шукшина «До третьих петухов».
27. Жанровые особенности анекдота в рассказе В. М. Шукшина «Чудик».
28. Легенда о Голубой даме в творчестве М. И. Юдалевича.
29. Трансформация фольклорных жанров в творчестве М. И. Юдалевича (по книге «Городские легенды»).
30. Поэтика заглавия книги А. Никольской «Собаچی рассказы».
31. Особенности художественной манеры А. Никольской.
32. Метафизика пространства в поэзии И. Жданова.
33. Книга «Портрет» как антропология творчества И. Жданова.
34. А. Еременко и Вл. Токмаков: эксперименты с сонетной формой.
35. Особенности сонетной формы в цикле «Невенки сонетов» А. Еременко.
36. Особенности художественной оптики в творчестве А. Еременко.
37. Специфика реализма в творчестве А. Строганова.
38. Поэтика «новой драмы» в творчестве А. Строганова.
39. Поэтика заглавия драмы А. Строганова «Дивертисмент».

А. М. Ковалева

**В. Я. Шишков в фондах
Алтайской краевой библиотеки им. В. Я. Шишкова:
прижизненные и сибирские издания**

Издания и публикации до 1945 г.

1. Помогились: (рассказ из тунгусской жизни) // Заветы. – СПб., 1912. – № 5. – С. 91–101.
2. На Би: рассказ // Алтайский альманах – СПб., 1914. – С. 137–162: рис.
3. Суд скорый: (рассказ из тунгусской жизни) // Заветы. – СПб., 1914. – Март (№ 3^а). – С. 35–73.
4. «Мильен тыщ» // Сибирский студент. – Томск, 1915. – № 5/6. – Стлб. 49–56.
5. Сибирский дед: (посвящается Григорию Николаевичу Потанину) // Ежемесячный журнал. – П., 1915. – Сент.–Окт. (№ 9/10). – С. 85–90.

6. Чуйские были. – Барнаул: Издание культ.-просвет. отд. Алт. кооперативов, 1918. – 31 с. – (Библиотека журнала «Сибирский рассвет»; № 3).
7. Чуйские были. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 31 с.
8. Суд скорый // Вейсберг, Г. П. Сибирь в художественной литературе / Г. П. Вейсберг, Г. М. Пушкарев. – М.: Л., 1927 – С. 23–30.
9. Отец Макарий // Сибирь в художественной литературе. – Новосибирск, 1938. – С. 91–95.

Сибирские издания

1. Странники: (повесть) / худож. Е. А. Куприянов. – Омск: Ом. кн. изд-во, 1963. – 443 с., ил.
2. Тайга: повесть / худож. В. Раменский. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1966. 167 с.: ил.
3. Страшный кам; Алые сугробы: повести и очерк / сост. и авт. предисл. Г. В. Кондаков, худож. В. Д. Запрудяев. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние, 1974. – 120 с.: ил.
4. Тайга: повесть, рассказы, очерки / сост., авт. предисл. и примеч. Н. Яновский, худож. В. П. Кириллов. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1975. – 463 с.: ил.
5. Тайга: повесть; Холодный край: рассказы / сост. В. И. Ермаков, авт. послесл. Н. Еселев. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1979. – 431 с.: портр. – (Писатели на берегах Енисея).
6. Дикольче: юмористические и сатирические повести и рассказы / авт. вступ. ст. Н. Яновский; худож. А. А. Заплавный. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. – 320 с., ил.
7. Страшный кам: повесть. Роман. Рассказы. Очерки / сост., авт. предисл. и примеч. Н. Н. Яновский. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. – 462 с., портр. – (Русские писатели в Сибири).
8. Чуйские были: роман, очерки, рассказы / худож. А. Курдюмов. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. – 495 с., ил.
9. Странники: повесть, рассказы / худож. В. Н. Белан. – Омск: Ом. кн. изд-во, 1987. – 556 с.: ил.
10. Колдовской цветок: рассказы. Повести. Роман / сост., авт. предисл. и примеч. Р. И. Колесникова. – Томск: Томское кн. изд-во, 1989. – 512 с., портр. – (Писатели земли томской).
11. Прохиндей: повести / авт. предисл. Н. Яновский, худож. Ю. М. Ефимов. – Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1989. – 320 с.: ил.
12. Емельян Пугачев: ист. повествование: в 3 кн. / ист.-лит. коммент. В. А. Чапмаева. – Барнаул: АО «Полиграфист», 1993. –
Кн. 1. – 1993. – 654 с.
Кн. 2. – 1993. – 717 с.
Кн. 3. – 1993. – 511 с.
13. Хреновинка: шутейные рассказы и повести / худож. А. А. Заплавный. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1996. – 383 с.: ил.

Отдельные издания о жизни и творчестве В. Я. Шишкова

1. Андрионина, М. И. Литературно-мемориальный музей В. Я. Шишкова: проспект / М. И. Андрионина, И. Н. Яковлева; Фил. Калинин. гос. объединен. ист.-архитектур. и лит. музея. – Калинин: Б. и., 1986. – 15 с.: ил.
2. Бахметьев, В. Вячеслав Шишков: жизнь и творчество. – М.: Сов. писатель, 1947. – 197 с.: ил.
3. Богданова, А. А. Вячеслав Шишков: лит.-крит. очерк. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1953. – 256 с.: ил. – Библиогр.: с. 255 (13 назв.).
4. Воспоминания о В. Шишкове / сост. Н. Н. Яновский. – М.: Сов. писатель, 1979. – 302 с.: ил.
5. Еселев, Н. Х. Шишков. – М.: Мол. гвардия, 1973. – 221 с.: ил. – Библиогр.: с. 219 (18 назв.). – (Жизнь замечательных людей; вып. 5).
6. Еселев, Н. Х. Шишков. – 2-е изд., доп. – М.: Современник, 1976. – 239 с.: ил. – Библиогр.: с. 238 (22 назв.). – (Библиотека «Любителям российской словесности»).
7. Изотов, И. Т. Вячеслав Шишков: крит.-биограф. очерк. – М.: Сов. писатель, 1956. – 168 с.: портр. – Библиогр.: с. 164–168 (41 назв.).
8. Кондаков, Г. В. Алтайский фольклор в творчестве В. Я. Шишкова / Горн.-Алт. науч.-исслед. ин-т истории, яз. и лит.: под. ред. С. С. Суразакова. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1969. – 83 с.
9. Кочетов, В. Н. В. Я. Шишков и устное народное поэтическое творчество. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 65 с.
10. Лясоцкий, И. Е. Вячеслав Яковлевич Шишков в Томске: (по воспоминаниям и документам): к 80-летию со дня рождения В. Я. Шишкова. – Томск: Томск. обл. лит. группа, 1953. – 63 с.: ил. – Библиогр.: с. 57–59 (57 назв.).
11. На родине Шишкова: к 100-летию В. Я. Шишкова / сост. А. Пьянов. – М.: Моск. рабочий, 1973. – 200 с.: ил.
12. Чалмаев, В. А. Вячеслав Шишков: (критико-биографический очерк). – М.: Сов. Россия, 1969. – 116 с. – (Писатели Советской России).
13. Черкасов-Георгиевский, В. На стрежне Угрюм-реки: жизнь и приключения писателя Вячеслава Шишкова: роман. – М.: ТЕРРА, 1996. – 448 с. – (Портреты).
14. Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников / сост. Н. Н. Яновский. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1987. – 392 с.: ил.
15. Вячеслав Шишков и Сибирь / сост., автор сопроводит. текста Н. В. Серебренников. – Томск: Ветер, 2008. – 119, [1] с. [1] портр. 6 ил. [Альбомное изд., включена биогр. хроника, воспоминания о В. Я. Шишкове и ряд очерков писателя].
16. Яновский, Н. Н. Вячеслав Шишков: очерк творчества. – М.: Худож. лит., 1984. – 272 с.: портр.

Библиография

1. Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945); рек. указ. лит. / Калинин. обл. б-ка им. А. М. Горького, Библиогр. отд.; сост. И. И. Лебедева. – Калинин, 1973. – 53 с.: ил.
2. Вячеслав Яковлевич Шишков: биобиблиогр. указ.: (к 120-летию со дня рождения) / Том. обл. универс. науч. б-ка им. А. С. Пушкина, Ист.-краеведч. отд., [сост. А. В. Яковенко]. – Томск: ТООУНБ им. А. С. Пушкина, 2008. – 219 с. – (Книжная серия «Жизнь замечательных томичей»; вып. 7).
3. В. Я. Шишков: к 100-летию со дня рождения / Горн-Алт. обл. б-ка, Сектор краеведения и нац. лит. – Горно-Алтайск, 1973. – 3 с.
4. В. Я. Шишков: к 100-летию со дня рождения / Горн-Алт. обл. б-ка, Сектор краеведения и нац. лит.; сост. В. И. Чичинов. – Горно-Алтайск, 1973. – 4 с.
5. В. Я. Шишков и Алтай: выбороч. список лит. / Алт. краев. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, Информ.-библиогр. отд. – Барнаул, 1993. – [6] с.
6. В. Я. Шишков и Сибирь: к 100-летию со дня рождения: список лит. / Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева, Науч. б-ка, науч.-библиогр. отд., сост. П. А. Торопченова. – Томск: Б. и., 1973. – 9 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беломытцева Лидия Александровна – учитель литературы МОУ «Лицей № 73», аспирант кафедры теории и истории русской литературы XX в. Алтайской государственной педагогической академии.

Ковалева Анна Мовлдиевна – главный библиограф отдела краеведения Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова.

Кривченко Елена Валентиновна – зав. отделом массовой работы Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова.

Юровская Лариса Алексеевна – учитель литературы МОУ «Лицей № 73».

Черняева Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Алтайского государственного университета.

Чертова Тамара Ивановна – директор Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

**КНИГА И ЧТЕНИЕ:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО В. Я. ШИШКОВА**

Редактор Т. Г. Черняева

Ответственный за выпуск Т. И. Чертова

Корректор М. В. Сигарева

Компьютерная верстка С. Н. Арсентьева

Подписано в печать 08.08.2009 г. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 4.88.

Тираж 150 экз. Заказ № 510.

ГУК «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова»
656038, г. Барнаул, ул. Молодежная, 5.

Отпечатано в РИО АКУНБ
656038, г. Барнаул, ул. Молодежная, 5.

